

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Бездна

«Автор»

2011

Ливадный А. Л.

Бездна / А. Л. Ливадный — «Автор», 2011 — (Экспансия: История Галактики)

Много столетий назад люди вынуждены были покинуть родную планету и поселиться на планете, почти сплошь покрытой океаном. Так возник Лазурный Чертог – подводный город земных колонистов. Дышать под водой людям помогали существа-симбионты, называемые эмирангами. Но эмиранг мог увлечь человека в Бездну – гигантский разлом в океанической коре, – откуда уже не будет возврата. Инге повезло, она одна из немногих прошла Путем Выживших, и океан стал для нее родной стихией.

© Ливадный А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Ливадный

Бездна

Пролог

– Коля, мне страшно, – Катя прижала к себе годовалую дочь, словно пыталась защитить ее от неведомой опасности. – Почему мы обязаны следовать древнему ритуалу? Инга еще совсем маленькая! Она не справится!.. – в глазах матери сквозили ужас и отчаянье.

– Катенька, прошу тебя, перестань! – Николай обернулся. Тесное помещение, освещенное собранными в пучок люминермами, тонуло в полумраке. Электричество подавалось только на регенератор воздуха и систему терморегуляции. За овальным окном, занимающим одну из стен помещения, покачивался пронизанный лучами солнца, фантастически красивый подводный лес. Водоросли, окрашенные в различные цвета от опалесцирующе-красного, до ярко-зеленого и темно-фиолетового, медленно извивались под напором придонного течения.

Десятки разновидностей рыб и морских животных обитали в их чаще, некоторые подплывали к окну батт отсека, с любопытством заглядывали внутрь.

Наверное, люди казались им диковинными существами.

– Почему наша дочь не может воспользоваться последними достижениями техники? К чему ей варварский способ выживания?! – она в отчаянии перебирала варианты, чувствуя неумолимое приближение назначенного часа. – Многие родители отказались следовать Пути Выживших! Для их детей Фридрих обещал создать импланты, сделать их независимыми от...

– Независимыми от чего?! – вспыхнул Николай. – От естественного, проверенного веками пути выживания?! Катенька, опомнись! – он немного умерил тон, пытаясь взять себя в руки. Присев рядом с женой и дочерью, он обнял их. – Милая, ты бы согласилась променять своего эмиранга на ненадежное, капризное устройство?! Какой судьбы ты хочешь для Инги? Без эмиранга ее свобода будет заканчиваться вот тут! – он выразительно указал на край шлюзового бассейна, расположенного в центре помещения. – Хочешь, чтобы наша дочь всю жизнь видела мир через мутное стекло громоздкого шлема? Механизмы, которые пытается восстановить Фридрих, не спасли наших предков!

Катя зябко передернула плечами.

– А добровольно отдать своего ребенка Бездне? – тихо спросила она. – Это нормально?

– И ты, и я когда-то побывали там, – напомнил ей Николай. – И решение за нас принимали родители. Думаешь, им не было тяжело и страшно?

– Все равно! – Катя резко встала, подошла к окну. Ребенок спал, не понимая, что сейчас решается его судьба. Маленькая еще не осознающая себя совершенно беззащитная девочка. – Коля, мне страшно! – вновь повторила Катя. – Я боюсь! Ты сам знаешь, что происходит! Больше нет никаких гарантий, что она вернется оттуда!

– Почему ты ставишь под сомнение вековые законы?! – Николай опять сорвался на повышенный тон. – Путь Выживших – не варварство! Нужно лишь верить в него, как верили наши предки! Вспомни, что произошло с колонией механопоклонников, когда ураган разрушил Купол Надежды?!

Катя молчала. Она понимала, о чем говорит ее муж, но все поблекло, утратило назидательный смысл, – ведь речь шла об их ребенке!

– Эмиранги не просто дают нам возможность выжить в водной стихии, они дарят главное – полную, абсолютную свободу! – продолжал Николай. – И, пожалуйста, перестань твердить о старом отшельнике! Я знаю, сколько он сделал для города, но наша дочь никогда не станет

частью его опасных экспериментов! Она пройдет Путем Выживших и вернется из Бездны со своим эмирангом!

– Или не вернется, – тихо произнесла Катя.

Николай побледнел. Негромкая фраза хлестнула наотмашь, заставила замолчать, прислушиваясь к собственному чувству страха перед грядущим событием.

Нам нужно поддерживать друг друга, а не спорить, – подумал он.

– Катя... – он шагнул к ней, обнял. – Все будет хорошо...

Она беззвучно плакала.

Он гладил ее волосы, изредка поглядывая на дочь. Инга спала, тихо посапывая, не понимая, какое испытание уготовано ей.

Час погружения близился, и тревога родителей росла, переходя разумные пределы...

Еще немного и они бы не выдержали, сдались, изменили решение, но час уже пробил, – вода в шлюзовом бассейне внезапно вскипела.

Последний хранитель Пути Выживших не произнес ни слова. Традиция запрещала ему говорить, до завершения таинства. Четверо его помощников, облаченные в плоть эмирангов, облегающих их тела, словно вторая кожа, выбрались на бортик шлюзового бассейна, затем подняли из воды и установили на полу батт отсека массивную, герметичную капсулу с закругленными торцами.

Катя вскрикнула, едва не лишившись чувств, но, встретившись взглядом с Хранителем Хорестом, не нашла сострадания. Холодные глаза старика излучали лишь ясную, осознанную уверенность в правильности избранного пути.

Он несколько секунд пристально смотрел на нее.

Дрожь улеглась. Страх, едва не переросший во всплеск неконтролируемого ужаса, придулся.

Никто не знал, сколько Хранителю лет. Он никогда не появлялся на людях без своего эмиранга. Пока он цепко удерживал взгляд матери, четверо его помощников привели в действие механический затвор. Цилиндрическая оболочка раскрылась. Дно капсулы устлало мягкие водоросли, под ними был скрыт примитивный регенератор воздуха, толстые стенки, способные выдержать давление воды в неизведанных глубинах Бездны, выглядели очень прочными.

Никто не проронил ни слова.

Хранитель принял девочку из рук матери, беззвучно шевеля губами, бережно опустил ее на мягкие водоросли, затем жестом приказал: закрывайте.

Скрипнул механизм.

Створки цилиндрической капсулы начали смыкаться.

Инга не капризничала, она беззаботно улыбалась, глядя на сужающуюся полосу света.

* * *

За стенами Лазурного Чертога дно начинало понижаться. Заросли стекловидных растений, над которыми двигалась возглавляемая Хранителем процессия, искрились, казались хрупкими. Солнечный свет, раздробленный поверхностью воды, проникал в глубины океана в виде бесчисленных неярких лучей.

Катя и Николай плыли рука об руку.

Подводная среда обитания в корне изменила образ и способы общения: скупой язык прикосновений и жестов делился на две составляющих. Жесты передавали информацию, прикосновения придавали сказанному эмоциональную окраску.

Сейчас родители Инги молчали. Их состояние становилось все более мучительным, практически невыносимым, лишь слабая, едва теплящаяся в душе надежда не давала им совершить непоправимого поступка.

Утес Эмиранга или Край Бездны, как называли это место жители Лазурного Чертога, располагался далеко от подводного города.

Лес водорослей постепенно редел, обнажая Песчаную Рябь, – длинную широкую полосу донных отложений, покрытых мелкими волнистыми следами. Здесь в изобилии встречались моллюски, но растительность была скудной, а вскоре рельеф дна вновь начал меняться, появились скалы, сначала одинокие, похожие на острые клыки, затем на глубине, сквозь толщу океанских вод проступили темные очертания величественного горного хребта.

Солнечного света становилось все меньше, по мере погружения пространство как будто смыкалось, в темных ущельях, прорезающих склоны, появились глубинные формы жизни.

Хранитель уверенно плыл вперед, задавая направление, и вскоре, сразу за перевалом, взглядам людей открылся титанический разлом Бездны.

Дно океана обрывалось пропастью. Тому, кто впервые оказался на Краю Мира, всерьез казалось, что здесь заканчивается все сущее, а глубже и дальше простирается нечто нематериальное, не подвластное пониманию.

История Лазурного Чертога знала безумцев, пытавшихся достичь дна Бездны, но никто не возвращался оттуда, кроме отшельника Фридриха, заплатившего непомерную цену за вызов, брошенный таинственным, непостижимым разуму глубинам.

Даже с Утеса Эмиранга, нависающего над пропастью, невозможно увидеть ее противоположного края. С незапамятных времен сохранились предания о расположенных по другую сторону Бездны кипящих широтах, преграждающих путь любому, кто осмеливался пуститься в плавание: неодолимые колоннады извергающихся газовых столбов поднимались из неведомых глубин к поверхности океана, отравляя воду, заставляя ее кипеть.

Хранитель Хорест подал предостерегающий знак.

Утес Эмиранга омывали мощные, коварные течения. Их нужно преодолеть заранее и процессия свернула с прямого пути.

Николай и Катя часто беспокоило оглядывались, но четверо молодых пловцов, взявшись за специальные ручки герметичной капсулы, успешно боролись с течением.

Вскоре стремительный подводный поток остался позади.

Утес Эмиранга представлял собой обширную неровную площадку, с мягкими контурами похожей на стекло поверхности. Пять параллельных борозд пересекали ее, словно в далеком прошлом огненная длань загадочного существа, пытавшегося удержаться на краю Бездны, расплавила камень и вытянула размягчившиеся скалы в направлении пропасти.

Течение тут ослабевало, вода казалась неподвижной.

Наступал решающий момент.

Николай и Катя оцепенели. Напряжение достигло наивысшей точки: им казалось, что все жилы сейчас лопнут, но ни он, ни она не могли пошевелиться, – плоть эмирангов, облегающая их тела, сжалась, парализуя мышцы, – существа-симбионты заметно нервничали, осознавая значимость момента, делая все, чтобы люди в порыве эмоций, под воздействием стресса не совершили непоправимого поступка, способного прервать таинство погружения.

Хорест подплыл к кромке обрыва. Его эмиранг трансформировался, мышцы существа бугрились, образуя два эластичных выроста по бокам человеческого тела.

Хранитель взялся за ручки герметичной капсулы, без усилий поднял ее, и...

Оттолкнувшись от края пропасти, он воспарил над темными глубинами. Крылья эмиранга совершали плавные волнообразные движения, помогая человеку плыть по спирали, преодолевая течение в поисках той единственной точки, где вода замирала, превращаясь в бездонный омут.

Наконец он нашел ее.

Несколько секунд Хранитель парил на одном месте, затем внезапно разжал пальцы, выпуская из рук массивную капсулу с заключенным внутри ребенком.

Все замерли.

Герметичный цилиндр, обладающий отрицательной плавучестью, начал медленно погружаться в Бездну.

Еще мгновение и толща темной, как смоль, воды поглотила утлую скорлупку.

Никто в точности не знал, что происходит в глубинах Бездны, – даже Хранитель не мог поручиться, что медленно погружающуюся капсулу в какой-то момент подхватит эмиранг, – не все дети возвращались *оттуда*.

Таков был Путь Выживших, чьи истоки терялись в глуби веков.

* * *

Прошел час, но ничего не изменилось.

Хранитель подал знак, и четверо его помощников отправились в обратный путь к Лазурному Чертогу.

Хорест, словно изваяние, застыл на краю Утеса, – он ждал, безмолвно глядя, как обезумевшие родители Инги, поддерживая друг друга, парят над Бездной, всматриваясь в темные глубины пропасти.

Их ожидание могло завершиться в любую минуту, а могло обернуться вечностью.

Глава 1

Лазурный Чертог. Пятнадцать лет спустя...

– Мам, пап, я скоро вернусь! – Инга глубоко вдохнула, и, не дожидаясь ответа родителей, нырнула в шлюзовую бассейн.

Мать, выглянув из соседней комнаты, лишь покачала головой. Темная гладь воды расходилась пологими волнами, на бортике лежала сброшенная дочерью домашняя туника, сплетенная из тончайших водорослей.

Инга росла звонкой, непоседливой, будто в ней жили брызги солнечного света. Сколько же в ней энергии, и сколько волнений приносит родителям ее стремительная непосредственность?

Катя взяла тунику, расправила ее. Привлеченный голосом дочери и плеском воды в центральное помещение батт отсека вышел Николай. В руках он держал крупные раковины моллюсков, из которых при помощи несложных инструментов изготавливалась домашняя утварь.

– Где Инга?

– Поплыла гулять. – Катя подошла к окну, выглянула наружу, но дочери уже и след простыл. – Коля, – она обернулась, – а когда мы расскажем Инге о Пути Выживших?

– Никогда, – Николай запнулся. – Ну, по крайней мере, не сейчас, – добавил он.

– А если она случайно узнает?

– От кого? – он тоже подошел к окну. За пятнадцать лет Лазурный Чертог неузнаваемо изменился. Не стало Хранителя, а вместе с ним угасли вековые традиции, их пересилил страх. Уже давно никто не решался приплыть на Утес Эмиранга, вверить своего ребенка непредсказуемой воле Бездны. – Ты же видишь, как все складывается. Новое поколение растет в тесноте батт отсеков. Город меняется, жизнь тоже. Люди перестали следовать традициям. Я вот все чаще подумываю: а не перебраться ли нам насовсем в Изумрудную Гладь?

Катя как будто не слышала последних слов мужа.

– Выходит, наша дочь последняя из поколения Пути Выживших? – спросила она.

– Получается так. Скоро она повзрослеет, и тогда сможет понять происходящее, а сейчас мы только расстроим и напугаем ее своими рассказами.

– Пожалуй, ты прав, – подумав, согласилась Катя.

* * *

Инга не слышала разговора родителей.

Короткий тоннель вывел ее наружу, неяркий приглушенный изумрудный свет обьял девушку, она грациозно влилась в течение, проходящее по верхней границе Волнующегося Леса, и мысленно позвала эмра.

Эмиранг не любил тесный бассейн батт отсека, он предпочитал дожидаться юную хозяйку, лежа на песчаном дне, среди густых подводных зарослей.

Инге не пришлось повторять мысленный зов. Стена водорослей всколыхнулась, стремительная тень радостно рванулась к ней. Каким образом эмиранги воспринимают ментальное обращение, как отличают мысль одного человека от мыслей другого? Инга не задавалась подобными вопросами. Она выросла в гармонии с окружающей стихией, принимая многие явления как естественный, незыблемый порядок вещей.

Между впадиной Волнующегося Леса и высокими уходящими к поверхности океана стенами овального кратера, в толще которых располагалось большинство батт отсеков, расстояние не маленькое, и эмиранг, спеша навстречу хозяйке, принял обтекаемую форму; он мощно

и ритмично прокачивал воду сквозь временно образованные мышечные трубки, создавая тем самым реактивную тягу.

Подплыв к Инге, эмир стремительно трансформировался, на миг превратился в подобие медленно гаснущего купола, затем коснулся запястья ее руки, привычно обвился вокруг него, и тут же утратил определенную форму, равномерно распределяясь по телу, образуя плотно прилегающий к коже защитный слой.

Инга ощутила характерное покалывание. Симбионт продолжал трансформацию, одновременно соединяясь с ее нервной системой, – плоть эмиранга мягко обволокла плечи, щеколтиво скользнула по шее, трепетным прикосновением закрыла губы, нос, формируя живую дыхательную маску, закрывающую нижнюю часть лица.

Она выдохнула.

Пузырьки воздуха, пройдя сквозь плоть эмиранга, закручиваясь спиралью, устремились вверх.

Инга не шевелилась.

Эмру нужно немного времени, чтобы полностью принять не стесняющую движения человека форму, завершить трансформацию, а главное – войти в полноценный контакт с нервной системой хозяйки, корректируя дыхательный рефлекс.

Для девушки происходящее являлось вполне естественным, обыденным процессом. Никто не учил ее сложной технике подводного дыхания. Она выросла в водной стихии, и даже первые, туманные, полусознанные воспоминания детства содержали устойчивый образ эмиранга, который вырослел вместе с ней.

Позже, когда пришло время, и родители занялись ее образованием, Инга была крайне удивлена, узнав, как сложен процесс подводного дыхания. Оказывается, кожа эмиранга пронизана миллионами пор, соединенных с микроскопическими клеточными образованиями. В них протекают биохимические реакции, выделяющие крошечные пузырьки воздуха. Собираясь вместе, они попадают в «дыхательную пазуху» – эластичное уплотнение, закрывающее нижнюю часть лица.

Один вдох в две-три минуты, в зависимости от текущей потребности человеческого организма, – такой ритм работы легких задают нервные импульсы, исходящие от эмиранга.

Впрочем, Инга хоть и старалась учиться прилежно, но многое казалось ей скучным, неинтересным. Она усваивала уроки, отвечала на вопросы, но, в силу возраста не обременяла себя полученными знаниями, они откладывались где-то глубоко в подсознании, чтобы быть востребованными позже.

Куда увлекательнее, интереснее исследовать окружающий мир, собирать диковинные ракушки, плавать наперегонки с пугливыми стайками рыб, забираться в потаенные уголки Изумрудной Глади, где солнечный свет пронзает толщу воды, дробясь на миллионы лучей, освещающая коралловые арки и таинственные гроты.

* * *

Чем же заняться сегодня?

Она осмотрелась.

Над головой плавно изгибались облепленные ракушками массивные балки полуразрушенного купола, когда-то накрывавшего Лазурный Чертог.

Нитевидные водоросли, словно зеленая бахрома, свисали с переплетений древней конструкции, стайки рыб сновали меж ребрами давно утратившей смысл и предназначение защитной постройки.

Все же как глупы были механопоклонники... – невольно подумала Инга, любясь изумрудными бликами. – Они не видели и не понимали красоты подводного мира, пытаясь отгородиться от него непроницаемыми сводами.

Промелькнувшая мысль напомнила о старом отшельнике, который жил за пределами Лазурного Чертога. Именно он рассказывал ей об истории города, о древности, о механопоклонниках.

Дедушку Фридриха надо бы навестить.

Эмиранг уже завершил трансформацию и нетерпеливо покалывал кожу Инги, словно спрашивал: куда поплывем?

Она мысленно представила угловатый, не похожий на другие жилища батт отсек, наполовину погребенный в песке, у границы между стекловидными зарослями и Песчаной Рябью, затем грациозно развернулась, всплывая навстречу ярким лучам ласкового солнца.

Постепенно ее взору открывалась панорама Лазурного Чертога. Она поднималась к поверхности океана, еще не замечая перемен, произошедших в городе за долгий период ее отсутствия. Большую часть времени Инга проводила вместе с родителями на подводных фермах Изумрудной Глади. Там, среди великолепия подводных садов прошло ее детство. В город семья возвращалась лишь один раз в год, на период штормов, когда мелководья становились небезопасными.

Сегодня погода стояла ясная, тихая, под стать ей было и настроение, – безмятежное, теплое.

Жизнь казалась прекрасной, понятной, окружающий мир – гармоничным, лишь эмир отчего-то вдруг глухо забеспокоился.

Инга прекратила движение к поверхности. Эмиранг никогда не нервничал понапрасну. Она привыкла всецело доверять ему, и сейчас, ощущая тревожные покалывания, осмотрелась.

Стены Лазурного Чертога плавными, бархатистыми от обилия водорослей уступами стекали ко дну котловины, где подводные растения образовывали чащу Волнующегося Леса.

Эмир очень точно умел определять, куда именно направлен ее взгляд. Инга часто пользовалась этой особенностью, чтобы выяснить причину внезапной тревоги преданного существа.

Подводный мир, кроме красот, таит и множество опасностей, забывать о которых нельзя.

Взгляд девушки задержался на одном из кварталов батт отсеков. Прозрачные, чистые воды Чертога даже на большом расстоянии позволяли различить происходящее: люди расчищали опушку Волнующегося Леса, длинные вековые плети фиолетовых водорослей, подрубленные у корней, бессильно всплывали к поверхности океана. Встревоженный эмир мгновенно подключился к восприятию, его природный эхолокатор вычертил перед мысленным взором Инги фигуры людей, облаченных не в плоть эмирангов, а в громоздкие гидрокостюмы, напоминающие походное снаряжение дедушки Фридриха, которым тот пользовался для подводных прогулок.

Что происходит?!

Три просеки врезались в чащу Волнующегося Леса. Люди методично и безжалостно уничтожали растения, возводя на освободившемся пространстве конические постройки из камней, располагая их через равные промежутки. От примитивных якорей вверх тянулись толстые тросы.

Инга совершенно не понимала смысла столь беспощадных действий.

Ее сердце дрогнуло, сжалось. Любовь к растениям, трепетное отношение к красоте окружающего мира были неотъемлемой частью ее души, – возмущенная, потрясенная увиденным, Инга инстинктивно рванулась туда, и эмиранг предано подхватил ее стремление. Они двигались быстро, наискось пронзая толщу воды, – не прошло и минуты, как Инга оказалась в гуще событий, на одной из «просек».

Незнакомые ей жители Чертога невольно прервали варварское истребление векового леса. Они останавливались, беспокойно оглядываясь, их медлительные жесты выглядели неуклюжими по сравнению со стремительным движением облаченной в плоть эмиранга девушки.

Ее искреннему негодованию не было границ. Рассудок помутился от вида беспомощно врывающихся растений; заметив, что один человек продолжает рубить толстый волокнистый ствол фиолетовой опассии, Инга стремительно развернулась. О том, как обратиться к незнакомцу, она ни на секунду не задумалась, действуя в порыве искреннего гнева.

Сжав кулак, Инга требовательно постучала костяшками пальцев по затылку массивного герметичного шлема.

Человек медленно разогнулся, оборачиваясь.

Сквозь прозрачный лицевой щиток Инга отчетливо разглядела лицо взрослого мужчины. Тот смотрел на нее зло, озадаченно, не понимая, чего она хочет, зачем мешает работать?

Выразительный язык жестов был ему, определенно, знаком.

Инга несколькими эмоциональными фразами выплеснула недоумение и горечь, требуя прекратить чудовищную вырубку!

– Плыви по своим делам, девочка, – прочла она по губам не менее категоричный ответ.

Возможно, взрослый и не хотел совершить ничего дурного, по крайней мере в отношении Инги, но ее переполняло негодование, а он вдруг начал неуклюже поворачиваться, поднимая руку с зажатым в кулаке остро отточенным куском металла.

Она и эмиранг отреагировали, как единое целое.

Две струи воды, выброшенные с огромной силой, ударили по его запястьям, – человека в массивном, укрепленном металлом гидрокостюме отшвырнуло прочь, он выронил заточенный кусок металла, ударился о груды сложенных в виде конуса камней, обрушив часть ничем не скрепленной постройки.

Остальные, испуганные столь внезапным оборотом событий, сочли за благо бросить работу и убраться прочь. Подхватив под руки отделавшегося испугом и ушибами, пытающегося встать мужчину, они, часто оглядываясь, стали отступать в сторону батт отсеков.

* * *

Весть о случившемся распространилась с поразительной скоростью. Инга, всплыв метров на десять, парила в толще воды, пытаясь успокоиться сама и привести в чувство разъяренного эмиранга. Она видела, как другие группы прекратили вырубать просеки, люди жестикулировали, указывая в ее сторону.

Эмиранг дрожал, по его мускулам пробегали волны.

Инга не считала, что совершила дурной поступок. Она защищала знакомый с детства лес, ее негодование не улеглось, щеки пылали, мысли путались. Вспышка собственного гнева ошеломила ее не меньше, чем факт беспощадного, бессмысленного, ничем по ее мнению не мотивированного уничтожения участков Волнующегося Леса.

Видя, что работы прекратились, не зная, как унять внутреннюю дрожь, она развернулась и поплыла прочь.

Через несколько минут уступчатая котловина Лазурного Чертога осталась позади. Внешняя стена города выглядела почти отвесной, она вздымалась над плотно подступающими зарослями стекловидных растений монументальной бархатистой от колонизировавших ее водорослей массой.

Инге казалось, что она плывет, куда глаза глядят. Расстроенная, встревоженная, все еще находясь в плену противоречивых эмоций, девушка не заметила, как оказалась на границе искрящихся кристаллических зарослей и Песчаной Ряби.

Только увидев выступающие из песка, частью покатые, а частью – угловатые, изломанные очертания батт отсека, где жил отшельник, она немного пришла в себя.

Кому, как не дедушке Фридриху рассказать о случившемся?

Инга подплыла к массивному внешнему люку, повернула обросший ракушками и водорослями механический штурвал, затем потянула его на себя, открывая доступ в темный, уходящий вверх тоннель.

Эмиранг хорошо знал это место. Казалось, и он начал успокаиваться, хотя наполовину затопленный батт отсек отшельника пользовался среди жителей Лазурного Чертога дурной славой, но Инга-то знала, что слухи сильно преувеличены, рождены несправедливым, обидным и непонятым ей нежеланием взрослых поддерживать добрые отношения со стариком, которому город обязан очень многим.

Отшельник был единственным, кто разбирался в древних механизмах и технологиях, именно он поддерживал в исправном состоянии энергостанцию Чертога, да и по многим другим вопросам, случись беда – плыли к нему.

И, тем не менее, к Фридриху относились предвзято, словно его окутывал ореол какого-то пугающего события.

Инга проплыла по длинному, полностью затопленному тоннелю, затем оказалась в просторном, но разрушенном помещении. Взглянув вверх, она увидела неярко освещенный контур самодельного бассейна, который и служил входом в обитель отшельника.

* * *

Вынырнув, Инга огляделась.

Эмиранг сполз к ее плечам, она вдохнула теплый, пахнущий металлом воздух, и на душе вдруг стало тепло.

– Дедушка Фридрих! – негромко позвала она.

Массивная овальная дверь, расположенная в стене центрального помещения, приоткрылась, на пороге появился седой старик, облаченный в древнюю, но удивительно прочную и удобную одежду, – такую, если верить преданиям, носили механопоклонники.

В руках он держал деталь какого-то механизма, за дверью располагалась его мастерская, именно оттуда шел сложный запах чего-то холодного, металлического – его Инга запомнила еще с детства. Впервые она попала сюда в пятилетнем возрасте и затем приплывала при любой возможности, ведь дедушка Фридрих относился к ней как к собственной внучке, никогда не ругался, всегда терпеливо отвечал на множество вопросов, которыми буквально засыпала его любознательная и непоседливая девочка, он знал так много и одновременно казался таким далеким, отстраненным от всего привычного, что невольно подкупал и завораживал своим одиночеством.

– Инга! – он искренне обрадовался ее появлению. – Вот уж не ждал, – хитровато, тепло прищурился он, – ну ты, давай, отпусти эмиранга, вот тебе полотенце, туника, а я пока твой любимый чай заварю.

От его слов веяло таким искренним теплом, что успокаивались взбудораженные мысли, становилось спокойно, уютно, – Инга знала, что он терпеливо и внимательно выслушает ее, даст совет, да просто напоит терпким, вкусным отваром из глубинных трав...

Она ухватилась за край шлюзового бассейна, эмиранг соскользнул с нее, оставаясь в воде.

Инга наскоро вытерлась, накинула одежду, сотканную из волокон водорослей. Пол в батт отсеке отшельника всегда был теплым и чистым, но немного вибрировал даже под ее легкой поступью.

– Давно вернулись из Изумрудной Глади? – донесся из соседней комнаты голос дедушки Фридриха.

– Нет, только вчера, – ответила Инга.

– Шторма уже начались?

– Еще рано. – Она открыла среднюю из трех дверей, перешагнула порог и словно окунулась в детство.

Здесь все оставалось по-прежнему, как много лет назад, и Инга невольно зажмурилась, на миг представила себя маленькой, позволила вернуться тем теплым, ярким незабываемым впечатлениям.

Прошлое... За десять лет до упомянутых выше событий...

Фридрих жил одиноко и замкнуто. Он не ждал гостей, но всегда был готов к внезапному появлению кого-то из жителей Чертога. Чаще всего к нему приплывали в неурочный час, без приглашения.

Вот и сейчас негромкий плеск воды в шлюзовом бассейне заставил отшельника оставить дела, выйти в центральный отсек.

– Здравствуй, Фридрих, – первым из-под воды вынырнул Николай, вслед за ним показалась Катя. Она крепко держала за руку пятилетнюю дочку, их эмиранги доверчиво соприкасались друг с другом.

Отшельник прекрасно понимал: просто так к нему в гости никто не заглядывает, тем более всей семьей.

Катю и Николая он знал по нескольким случайным встречам, а вот их дочь видел впервые. Без слов понятно, – девочке нездоровиться, но старик повел себя сдержано, без суеты.

Он коснулся сенсора, часть облицовки стены скользнула в сторону, открывая встроенную нишу.

– Здесь одежда. Чувствуйте себя свободно. Я подготовлю медицинское оборудование.

Он скрылся за средней из трех дверей, ведущих из центрального отсека в смежные помещения. Фридрих не хотел смущать своим присутствием молодых родителей, совершивших поступок, требующий немалого мужества – обратиться за помощью к отшельнику решался далеко не каждый.

Три эмиранга соскользнули в воду, Николай первым выбрался из бассейна, принял на руки дочку, бережно укутал ее в необычную, мгновенно впитывающую воду ткань, прижал к себе.

Во взгляде Николая читалось напряженное беспокойство, он осматривался, пытаясь сжиться с обстановкой странного батт отсека, пока Катя не забрала у него Ингу.

– Все будет хорошо, – шепнула она.

* * *

Вернувшись спустя пару минут, Фридрих жестом указал на мягкое, широкое откидное сиденье, расположенное подле тихо шелестящего регенератора воздуха.

– Присаживайтесь.

– Мы пришли за помощью, – Николай машинальным жестом пригладил мокрые волосы. Непривычная одежда мешковато сидела на нем. Руки он Фридриху не подал, но старик не обиделся и не смутился. Вряд ли молодежь знает обычаи предков.

– Дочь заболела. Ее лихорадит. Уже вторые сутки. Мы испробовали все средства, но ничего не помогает.

Старик внимательно взглянул на Катю.

– Разве эмиранг не в силах побороть болезнь?

– Мы боимся, – признался Николай. – Инга привыкла к мелководьям Изумрудной Глади, а в Чертоге большие глубины...

– Значит, возвращаясь в город, держите дочь взаперти, не выпускаете из батт отсека, ограничиваете ее союз с эмирангом, а теперь удивляетесь внезапной болезни? – пронизательно спросил Фридрих.

Николай смутился.

– Ее эвр... – начал он.

– Он – неотъемлемая часть иммунной системы ребенка! – Строго ответил ему старик. – Девочка должна плавать, больше времени проводить под водой, а не чахнуть в помещении.

Николай насупился, хотел ответить резко, но Катя коснулась его руки, взглядом умоляя: замолчи.

– Фридрих, помоги нашей дочери! Мы не останемся в долгу, поверь!

– Я не отказываю в помощи, – ворчливо ответил старик. – Но вы дадите мне слово, что преодолете свою чрезмерную и вредную для нее родительскую заботу!

– Откуда ты знаешь, что хорошо для ребенка, а что нет? – вырвалось у Николая.

– Я изучал этот вопрос, – скупое ответил Фридрих. Он открыл дверь в помещение, в центре которого на массивном постаменте была закреплена капсула, плотно закрытая прозрачным каплевидным колпаком. В ее изголовье возвышались сложные и непонятные для непосвященного устройства, от которых к постаменту тянулись жгуты проводов, связки прозрачных трубок и гофрированных шлангов. – Теперь, пожалуйста, плывите домой. И ни о чем не беспокойтесь.

– Я останусь! – резко запротестовал Николай.

– Исключено, – непреклонно ответил старик. Горький жизненный опыт научил его осторожности. Отец девочки не поймет процесса лечения, напугается, наделает глупостей, навредит дочке.

– Коля, прошу тебя! – Катя встала. – Фридриху можно доверять.

– Инга пробудет у меня пару дней. – Старик принял из рук матери охваченное ознобом тело девочки. – Когда ей станет лучше, я сам провожу ее и эвра до вашего батт отсека.

* * *

Встревоженных родителей пришлось выпроваживать едва ли не силой, но иначе отшельник отказывался братья за лечение.

Инга наблюдала за происходящим сквозь пелену лихорадки, ее знобило, перед глазами все туманилось, теряло очертания, было очень холодно, и в то же время неуёмное детское любопытство заставляло подмечать удивительную и даже пугающую новизну окружающего.

– Не бойся, – Фридрих коснулся сенсора, тонко взвыли сервомоторы, поднимая каплевидный колпак камеры. – Это очень умное медицинское устройство, – он постоянно разговаривал с Ингой, не давая ей впасть в забытие. – Всего минутка, и мы узнаем, что же с тобой случилось, почему ты заболела... – он запустил программу диагностики, затем, услышав плеск в шлюзовом бассейне, обернулся.

Дверь была открыта, и Фридрих прекрасно видел эмиранга Инги, который всплыл, напоз на край кругового бортика, и замер в напряженном ожидании.

Давняя боль кольнула сердце.

Эвр не шевелился. Сейчас у него не было ярко выраженной формы, четко различимых органов восприятия, казалось, что на краю шлюзового бассейна застыл серо-сталистый слиток металла, но Фридрих прекрасно понимал: эмиранг внимательно следит за каждым его движением, по-своему оберегая юную хозяйку, волнуясь за нее.

«Успокойся, малыш, – мысленно обратился к нему отшельник. – Инга обязательно поправится. А ты пока погостишь у меня. Я не стану закрывать дверь. Наблюдай. Позову, если потребуется твоя помощь».

Казалось, что эвр понял каждый обращенный к нему мысленный образ.

Инга в это время следила взглядом за смешным зеленым лучиком, который обследовал ее.

Что-то пискнуло в изголовье, и она вдруг начала погружаться в дрему. Озноб прекратился, глаза слипались, мир кружился и отдалялся от нее, превращаясь в гаснущую точку.

* * *

Инге казалось, что она лишь на минутку закрыла глаза. На самом деле девочка проспала почти сутки, пока сложная аппаратура медицинского комплекса проводила курс терапии.

Проснувшись, она ощущала неодолимую слабость. Кружилась голова, но, вспомнив, где находится, Инга тут же испытала жгучее любопытство, ведь она раньше только слышала в разговорах взрослых об отшельнике Фридрихе, но никогда не бывала в его таинственном жилище!

Ух, как интересно! У нее даже дух захватило.

Она чуть приоткрыла глаза, разглядывая сквозь ресницы обстановку незнакомого помещения.

Отшельник сидел в глубоком кресле. Он, видимо, задремал. Прозрачный каплевидный колпак был поднят, и ничто не мешало Инге осмотреться. Болезнь отступила, она чувствовала себя совершенно здоровой, вот только слабость казалась неодолимой.

С трудом приподняв голову, она через открытую дверь увидела своего эмиранга, – он плавал у поверхности шлюзового бассейна.

Почувствовав, что Инга проснулась, эмир подплыл к бортику.

«Здравствуй, милый...» – тепло подумала девочка, и эмиранг радостно отреагировал, закружился, взметнув брызги воды.

Фридрих вздрогнул, проснулся.

– Кто тут шалит?

Инга улыбнулась.

– Дедушка Фридрих, а у тебя глаза-лучики!

– Это как же? – удивился отшельник. У старика сердце дрогнуло, когда Инга назвала его «дедушкой».

– Ну, морщинки у тебя, как лучики!

– А, вот ты о чем... – Фридрих вдруг растерялся, поймав себя на мысли, что совершенно не умеет общаться с детьми.

Слабость не позволяла девочке встать, она вздохнула, поняв, что пока придется остаться в постели, но тут же нашла, чем компенсировать это неудобство:

– Дедушка Фридрих, расскажи мне сказку! – попросила Инга, приведя старика в еще большее замешательство.

Он глубоко задумался, затем развел руками:

– Но я не знаю сказок!

– Нет, знаешь!

– Да? – искренне удивился отшельник. – И ком же?

– О страшилище Лаймеле! – Инга улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

– Ах, вот ты о ком... – Фридрих сдержал невеселую усмешку, присаживаясь подле кровати. – Но он не страшилище.

– А кто же? – зрачки Инги расширились. – Папа мне говорил: он ужасный механопоклонник, враг эмирангов! – девочка произнесла последнюю фразу шепотом.

В глазах старика промелькнула грусть. Вот, значит, как преподносят детям события реальной истории?

– Ладно, – кивнул он. – Я расскажу тебе.

Девочка устроилась поудобнее, приготовившись слушать.

– Много веков назад в Лазурном Чертоге жил человек по имени Лаймел, – произнес Фридрих. – В те времена наш город был совсем другим. Впадину, где сейчас растет Волнующийся Лес, накрывал огромный купол. Дно кратера оставалось сухим, там возвышались дома, проходили улицы. Люди жили в просторных жилищах, не похожих на наши батт отсеки.

– Что же случилось с городом, дедушка?

Фридрих погладил Ингу по волосам, коснулся ладонью лба, взглянул на контрольные мониторы систем жизнеобеспечения.

– Прими лекарство, – он, кряхтя, встал, взял приготовленный настой из целебных водорослей, подал Инге кружку, сделанную из раковины моллюска.

Она нехотя сделала несколько глотков.

– Пей еще.

– Противно. Горько.

– Все равно – пей.

– А ты расскажешь мне, что стало с красивым городом?

– Конечно, расскажу.

Инга выпила все, досуха. На самом деле отвар был не так противен на вкус, просто она капризничала, как любой ребенок, но любопытство, в конце концов, пересилило. Ей очень хотелось узнать, что же случилось дальше.

– Запомни, все, что я говорю – не сказка, – отшельник забрал у нее пустую кружку. – Это происходило на самом деле.

– Хорошо, дедушка. – Инга закрыла глаза, приготовилась слушать и представлять образы.

– Город под куполом построили наши далекие предки. Очень давно они покинули родную планету, в поисках новой родины. Колониальный транспорт «Атлант» унес их в глубины космоса. Эти мужественные люди обладали знаниями, недоступными сегодняшним поколениям, у них были могучие и умные машины...

– А что такое космос, дедушка? – мгновенно заинтересовалась Инга, вопросом перебив рассказ отшельника.

– Ты еще мала и не поймешь.

– Пойму! Ты расскажи!

Фридрих глубоко задумался. Какие слова подобрать, если в подводном мире нет доступных сравнений, способных передать необъятное величие Вселенной?

– Космос не имеет границ. В нем нет воды и воздуха. Наши предки научились делать корабли, способные преодолевать огромные расстояния, они путешествовали через пустоту...

– А зачем, если в космосе пусто? – вновь перебила его Инга.

– Ну, не совсем. Огромные жаркие звезды освещают космический мрак. Вокруг звезд вращаются планеты, на поверхности которых можно жить. Наши предки прилетели сюда с далекой Земли, чтобы основать колонию, но их корабль сломался при посадке, он разделился на части и рухнул в океан. Многие пассажиры пропали, а те, кто выжил, построили город и назвали его Куполом Надежды.

– А у них были эмиранги? – заинтересовалась девочка.

– В то время – нет. Никто не знает, где, как и когда наши далекие предки впервые вступили в союз с эмирами. Дело в том, что некоторые части космического корабля, упав в океан, погрузились на очень большие глубины, и жители города сочли их погибшими. Спустя века, когда цивилизация Купола Надежды переживала свой расцвет, неподалеку, в Изумрудной Глади появились люди, облаченные в плоть эмирангов, но обитатели подводного поселения испугались их, сочли чудовищами.

– Какие они глупые! – искренне возмутилась девочка. – Ведь эмиранги такие красивые, правда, дедушка?

Фридрих тяжело вздохнул. Много из тех событий для него тоже оставалось тайной.

– Жители Купола Надежды очень мало знали о формах подводной жизни, – продолжил Фридрих. – Они во всем полагались на машины, и потому заблуждались, считая эмирангов паразитами. Наши предки, не желая вступать в конфликт с жителями Купола, уплыли, основав собственное поселение в Изумрудной Глади, там, где сейчас находятся подводные фермы.

– И злые механопоклонники к ним больше не приставали?

Фридрих усмехнулся.

– Человеку в скафандре трудно соревноваться в ловкости и стремительности с истинным обитателем океана. Наших предков побаивались, и старались не конфликтовать с ними. Образовалось два поселения, две колонии, которые на протяжении веков существовали неподалеку друг от друга, пока не случилось несчастье – купол, сдерживающий напор океанских вод начал разрушаться, давать трещины.

– И что стало с его жителями? – Инга затаила дыхание.

– Они построили огромные металлические корабли и уплыли в поисках суши, поняв, что не смогут отремонтировать своды города.

– А что с ними стало, дедушка?

– Мы не знаем, – развел руками Фридрих. – Их повел за собой Лаймел, последний хранитель знаний Купола Надежды. Город опустел, стал постепенно заполняться водой, а затем его своды рухнули. Наши предки переселились во впадину, они построили кварталы батт отсеков и назвали новый город Лазурным Чертогом. Куда делись последователи Лаймела, никому не известно, но о механопоклонниках и давней вражде с ним помнят до сих пор...

Настоящее...

Инга отчетливо помнила каждую мелочь, как будто все происходило вчера.

С тех пор минуло десять лет, она выросла, и вот сегодня так внезапно, неожиданно столкнулась с незнакомыми людьми в громоздких защитных одеждах. Неужели это и есть мифические механопоклонники из древних преданий?!

– Дедушка? – она вышла из медицинского отсека. – Дедушка сегодня я видела людей в защитных костюмах! Без эмирангов! Они, – к Инге вернулось волнение, – они прорубали просеки, в Волнующемся Лесу!

– Я знаю, – неожиданно ответил отшельник.

– Знаешь?! – Инга едва поверила своим ушам. – Так это не механопоклонники?! Но их лица мне совершенно незнакомы!

– Тут нет ничего странного, – Фридрих старался реагировать спокойно, сдержано. – Ты ведь не можешь знать в лицо каждого жителя Чертога, верно?

– Мы с эмром ударили одного из них! Это... все вышло так неожиданно! Я и опомниться не успела. А где же их эмиранги, дедушка?

Фридриха словно током ударило. Он вздрогнул, но тут же взял себя в руки, стараясь не выдать смущения. Он ждал и боялся момента, когда Инга, взрослея, начнет задавать подобные вопросы.

– Присядь, – он поставил на стол две чашки. Горячий, ароматный, терпкий настой глубинных растений медленно истекал завитками пара.

Инга села в кресло.

Повзрослела... Как быстро и неожиданно... Сколько мы не виделись? Почти год? С прошлого сезона штормов? Фридрих с огромным трудом сохранял самообладание. Он относился к Инге как к родной внучке, желал ей только счастья, но перемены, коснувшиеся города, не предвещали добра. Старый отшельник как никто другой понимал, – новое поколение, родившееся и выросшее в тесноте ограниченных пространств батт отсеков, начнет менять архитектуру и жизнь Чертога, сообразуясь лишь со своими потребностями, они теперь в большинстве, но их путь – тупик, а Инга для них чужая.

Кажется, что на сломе эпох, в периоды великих потрясений, время теряет привычные свойства, течет иначе, то ускоряясь в бешеном вихре событий, то замедляясь в вязком и долгом предчувствии грядущего.

Фридрих вот уже несколько лет наблюдал, как началось медленное коварное вращение нового водоворота неизбежных событий. Сначала их ускоряющийся поток подхватит лишь некоторых, прихотливо, избирательно вырвет их из общих рядов, затащит в стремнину, бросая навстречу Судьбе, а уж затем потянет в пучину всех, без исключения.

«Но философия тут не поможет, – мысленно осадил он себя. – Что толку в понимании истоков и сути назревающих проблем, если Инга задала вопрос, на который я не в праве ответить?»

Почему не в праве? – внутренний спор был жесток, скоротечен, беспощаден. Рассказать ей все без утайки?

А где же их эмиранги, дедушка?

Что я ей скажу? «Инга, когда ты была годовалым ребенком, мама и папа положили тебя в металлическую капсулу и сбросили с Утеса Эмиранга в Бездну, зная, что шанс возвращения оттуда ничтожно мал?» А родители тех, кто сейчас прокладывает просеки через Волнующий Лес, отказались подвергать своих детей смертельному риску, оттого у них нет эмирангов, и выросли они в тесноте батт отсеков?

«Нет, – мысленно осадил себя Фридрих. – Каждый поступок имеет свою цену и последствия. Инга вступила в тот возраст, когда сломать ее юную хрупкую душу легко. Удар по психике будет невыносимым, неизвестно, как Инга отреагирует на откровение, что подумает о родителях, как станет относиться к ним, узнав о ритуале погружения? Кто может предсказать реакцию подростка?»

Эх, говорил же я вам, расскажите дочери о Пути Выживших, мысленно укорил Фридрих Николая и Катю. Так нет, не послушали старика...

Но поздно стенать. Сейчас от его ответа зависела судьба девушки.

– Дедушка, я тут! – Инга шутливо помахала ладонью. – О чем так глубоко задумался? И почему молчишь? Кто эти люди? Зачем они носят неудобные костюмы? И где их эмры?

– У них никогда не было эмирангов, – глухо произнес Фридрих.

– То есть... как?! – Инга едва не выронила чашку. Ее глаза выражали недоверие. – Нет, ты шутишь?! Разве эмр рождается вместе с младенцем?

– Нет.

В глазах Инги читалась полная растерянность.

– Эмиранг не рождается вместе с младенцем. – Фридрих говорил медленно, тщательно подбирая каждое слово. – Он приплывает из неведомых нам глубин, когда ребенку исполняется годик. Но еще в пору моей юности что-то случилось: эмры все реже стали всплывать из пучины Бездны. Не все дети смогли получить симбионта. Не осуждай их.

Инга вскинула недоуменный взгляд.

– Кого?

– Людей, что вынуждены жить без эмирангов. Они по-своему несчастны, но не осознают этого. Как бы тебе объяснить? Им неведома настоящая свобода. Такая, что есть у тебя.

– И потому им позволено уничтожать Волнующий Лес?

Отшельник был рад переключиться на новую тему.

– Просеки нужны, чтобы установить и закрепить вертикальные растяжки для длинных тросов, – ответил он. – Я разработал систему дыхательных куполов. Они позволят соединить между собой кварталы батт отсеков, – заметив, что Инга не совсем понимает, о чем идет речь, Фридрих внезапно попросил ее: – задержи дыхание, насколько сможешь.

Она глубоко вдохнула, замерла, лишь глаза вопросительно смотрели на отшельника.

Тот не торопился давать пояснения.

Через пару минут Инга ощутила беспокойство, затем в груди появилась тяжесть, мышцы лица напряглись, воздух рвался наружу, до рези в груди хотелось вдохнуть, – вне контакта с нервной системой эмиранга она не смогла переключиться на «подводное дыхание», и, наконец, не выдержав, судорожно выдохнула, закашлялась, несколько секунд жадно хватала ртом влажный воздух батт отсека.

Перед глазами плыли черно-оранжевые круги.

Казалось, изменилась сама ткань пространства. Она еще не осознавала всей глубины мгновенных перемен в мироощущении, лишь на душе стало очень тревожно.

– Ты уже достаточно взрослая и можешь дать оценку полученным ощущениям, – избегая говорить о Пути Выживших, Фридрих не собирался оставлять без пояснений другие, не менее важные для нее вопросы. – Теперь ты понимаешь, как сложно жить людям, у которых нет эмирангов?

Инга кивнула. Растерянность в ее взгляде сменилась состраданием.

– Ты большую часть времени проводишь вдалеке от города. Оттого и перемены кажутся тебе значительными. А на самом деле все происходит давно, постепенно. Целое поколение повзрослело, как и ты. Но у них нет эмирангов, они выросли, не покидая батт отсеков, и теперь стараются наладить свою жизнь. Я помогаю им в меру сил. Сделал с десяток герметичных костюмов. Спроектировал систему воздушных куполов, – скоро ты сможешь их увидеть из окна батт отсека.

Инга внимательно выслушала его, задумалась, а затем неожиданно спросила:

– Дедушка, а у тебя был эмиранг?

Чашка в руке Фридриха дрогнула. Он едва не пролил горячий напиток, машинально переспросив:

– Был ли у меня эмиранг? Да, был, – после небольшой паузы ответил отшельник. – Но, он погиб.

Инга онемела от жестокого смысла его фразы.

Гибель эмиранга – самое худшее, что только может произойти в жизни человека. На ее глазах выступили слезы. Потрясение оказалась настолько сильным, что дрогнул подбородок, защищало в носу.

– Дедушка, как же так?

– Моя вина, – тяжело вздохнул Фридрих. – Я был молод и беспечен. Хотел открыть все тайны окружающего мира и в итоге поплатился за свое безрассудство.

– А что ты сделал? – сердце Инги замерло.

– Попытался достичь дна Бездны.

Инга, ошеломленная его признанием, поначалу не нашлась, что сказать, а затем выдавила:

– Но у Бездны нет дна! Все это знают!

– Так принято считать, – мягко поправил ее Фридрих. – На самом деле дно должно быть. Обязательно. Бездна, – это давний разлом в планетарной коре, след катастрофы, произошедшей миллионы лет назад. Когда образовалась гигантская трещина, часть древнего дна сползла вниз, обрушилась в нее. Океан кипел, ведь вода соприкоснулась с жаром недр, все живое на тысячи километров вокруг погибло.

Инга крепко зажмурилась, пытаясь представить явления, что так скупно обрисовал дедушка Фридрих.

Нет, вообразить как вода и огонь сходятся вместе, как кипит океан, а дно проваливается, покрываясь трещинами, она не смогла, вместо четкой картины на фоне смеженных век метались лишь расплывчатые тени.

– Зачем же ты решился отправиться туда?

– Я был молод, – повторил Фридрих. – Мне не давали покоя вопрос, почему эмиранги стали все реже подниматься из пучин? Я хотел отыскать причину и исправить ее, но не рассчитал своих сил. Нас с эмром подхватило мощным течением, вынесло в кипящие широты, где океан бурлит от извергающихся столбов ядовитых газов. Мы боролись, но силы стихии оказались сильнее.

– Как же ты уцелел?

– Меня спас эмиранг. Я потерял сознание, а он продолжал плыть в отравленных водах, пока не преодолел их, сумев добраться до Изумрудной Глади, – голос Фридриха все же дрогнул. – Фермеры нашли нас, но слишком поздно. Меня вывели, а эмиранг погиб, – отшельник порывисто встал, отвернулся, чтобы Инга не видела выступивших слез. – Фильтруя воду, добывая для меня кислород, эмир получил смертельную дозу токсинов.

– Дедушка, извини! Я не хотела тебя расстраивать!

– Ничего. Ты все равно бы спросила, рано или поздно... – старик украдкой вытер глаза, вернулся за стол. – Хочешь узнать, что было дальше?

Инга неуверенно кивнула.

– Почему ты все время живешь один, так далеко от города? – тихо спросила она.

* * *

Фридрих многого недоговаривал, щадя и без того растревоженные чувства Инги.

Много лет назад он оказался тем, кого судьба вырвала из общего строя, бросив в стремнину роковых событий. Он не сумел справиться с юношескими эмоциями, поставил под сомнение право таинственной, безликой силы решать, кто из младенцев будет жить, а кто навек сгинет в темной пучине Бездны.

Прожитое проносилось перед мысленным взором. Нелегкая судьба спрессовывалась в ярких, не потерявших остроты воспоминаниях. С высоты прожитых лет он понимал: вызов, брошенный Бездне, ему бы простили, списав на юношеское безрассудство, настоящая «вина» заключалась в том, что он выжил, сумел вернуться из мрачных пучин, не раскрыв их тайн, но потеряв своего эмиранга.

– Меня изгнали из Лазурного Чертога, – глухо произнес отшельник.

– За что, дедушка? – вскрикнула Инга.

– Я погубил эмиранга, – скупой ответил Фридрих. – Такое в пору моей юности не прощали.

– Но ты же сам сказал: целое поколение выросло без эмров!

Он горько усмехнулся.

– Все относительно. Законы в те времена были другими. Эмиранги появлялись все реже, и человек, допустивший гибель симбионта, должен был понести публичное наказание.

Инга почувствовала спазм, словно ей не хватало воздуха. Ведь несколько минут назад она пыталась задержать дыхание, и что из этого вышло? Как же дедушка Фридрих оказавшись один, без эмиранга, сумел выжить?

Он перехватил ее взгляд, и внезапно произнес, в разрез с леденящими мыслями девушки:

– А это уже другая история. Трудная, но по своему счастливая. У меня была тайна, она и помогла выжить. Но давай обо всем по порядку, раз уж зашел такой разговор.

Инга кивнула, даже не представляя, что могло спасти изгнанного из города юношу?

* * *

Фридрих начал рассказ издали. Его голос теперь звучал спокойно, вдумчиво:

– В пору своей юности я, как и любой подросток, грезил приключениями. Мы с эмирангом надолго уплывали из дома, исследуя окрестности Лазурного Чертога, иногда вопреки

запретам взрослых забирались очень далеко. Мир казался таким светлым, лучистым, простым, беззаботным. Мне очень нравился стекловидный лес, особенно в солнечную погоду, когда он весь искрился, полыхал, – я мог часами парить над ним, любуясь преломленным в зарослях солнечным светом.

Отшельник сделал глоток терпкого, уже остывшего отвара, затем продолжил:

– Как-то раз мы с эмром плыли вдоль границы между кристаллическими зарослями и Песчаной Рябью. Помню, что близился закат, и в красноватом сумраке все выглядело таинственным, даже немного зловещим.

Инга слушала, затаив дыхание, невольно погружаясь в эмоциональную атмосферу, словно все происходило с ней, ведь Фридрих описывал знакомые места и явления. Еще девочкой она любила на закате всплывать к вершинам Чертога, любуясь тем, как прощальные лучи солнца играют сполохами багрянца в чаще стекловидного леса.

– Тем вечером мы оказались недалеко от странных скал. Их очертания обычно скрадывали колонии нитевидных водорослей, но к вечеру на границе Ряби возникает сильное придонное течение, оно омывает небольшую возвышенность, пластает водоросли, и я вдруг заметил необычное, обросшее ракушками образование. Мы с эмром подплыли ближе, и точно – из ровной поверхности, оказавшейся вовсе не каменной, выступал овальный контур, на котором крепился массивный стальной обруч с перемычками.

Уже начинало темнеть, нужно было возвращаться домой, но, той ночью я едва смог уснуть, думая о странной находке. На следующий день мы с эмром, никому ничего не сказав, едва рассвело, вновь приплыли к загадочному скоплению скал.

Инга слушала отшельника, едва дыша.

Его голос звучал все глуше, как будто доносился из прошлого.

* * *

Фридрих действительно ощущал себя подростком. Ему казалось, что кончики пальцев вновь осязают неровную бугристую, обросшую ракушками поверхность непонятого обруча, прикрепленного к овальному выступу.

Уже тогда он кое-что понимал в технике. Его родители были потомственными инженерами Чертога, Хранителями энергостанции города, и понемногу приобщали сына к крупицам древнего наследия, готовя его в качестве преемника, но что взять с четырнадцатилетнего мальчишки, охваченного внезапным азартом исследователя? Он поначалу даже не вспомнил, что на энергостанции уже видел нечто подобное – некоторые двери, ведущие в опасные для человека помещения, имели овальную форму и были снабжены аварийными механическими приводами, в виде штурвалов.

Нет, поначалу он лишь тщетно дергал за обруч, пытался отковырнуть ракушки, образующие корку на границе овального выступа, затем, устав, порезавшись об острые края наростов, отплыл в сторону, чтобы перевести дух.

Утро занималось ясное, солнечное.

Эмиранг занервничал, чувствуя кровь, растворенную в воде. Он скользнул вдоль пальцев, закрыл ранки, останавливая кровотечение, резким ощутимым покалыванием укорил мальчика за неосторожность. Юный Фридрих и сам уже понял: ковырять поверхность бесполезно. Всплыв повыше, он парил в воде, дожидаясь пока эмир освободит кисти рук. Ракурс для наблюдений оказался удачным, теперь он отчетливо видел, под ним не скалы. Таинственная конструкция, заиленная, наполовину «утонувшая» в песчаном дне, выглядела мрачной, давно заброшенной, но это только подстегивало интерес.

Овальный выступ располагался почти у самого дна, на границе песчаных наносов. Его вид, наконец, вызвал пропущенную поначалу ассоциацию с массивными защитными дверями энергостанции Чертога.

Штурвал нужно повернуть, чтобы открыть вход!

Он не мог ждать. Порезанные пальцы не в счет! Нужно лишь найти подходящий рычаг, желательно металлический, чтобы с его помощью провернуть древний механизм!

В тот день у него ничего не вышло, но мысли о загадочной конструкции больше не отпустили, он думал о том, как проникнуть внутрь, каждую минуту.

Родителям он ничего не рассказал. Культ механопоклонников традиционно осуждался старейшинами Лазурного Чертога. Далекие события за века обросли множеством мифических подробностей, Фридрих не сомневался, что обнаружил древнее капище, но ему было так интересно узнать, что же там внутри?

В следующий раз он подготовился более тщательно, отыскал в помещениях энергостанции толстый металлический прут, тайком стащил его, припрятал недалеко от батт отсека и при первой же представившейся возможности вновь приплыл к таинственной древней постройке.

Несколько часов, выбиваясь из сил, до онемения в мышцах он с помощью рычага пытался провернуть штурвал ручного механического замка.

Наконец тот сдвинулся на сантиметр, по контуру овального выступа пробежала трещина, панцирь наростов и отложений лопнул, у Фридриха все замерло в груди, он с новой силой навалился на рычаг, и... штурвал начал проворачиваться с ощутимой вибрацией!

К вечеру ему удалось сделать два полных оборота.

* * *

Только через неделю его усилия увенчались успехом.

Массивный люк открылся неожиданно, он подался вперед и вбок, врезавшись нижней кромкой в песчаные наносы.

Перед юным Фридрихом открылась полуметровая щель, куда он вполне мог протиснуться.

Вернувшийся было страх потонул в адреналине, юноше казалось, что все происходит во сне. Дрожа от нервного перевозбуждения, он сумел пролезть через образовавшийся зазор и внезапно оказался в длинном затопленном тоннеле!

В кромешной тьме только эхолокатор эмиранга позволял ему различать контуры стен.

Через десять метров тоннель разветвлялся, одна его часть уходила вверх, другая вниз и вправо.

Он медленно плыл, касаясь рукой стены, ощущая через кончики пальцев невероятную древность сооружения, словно тут витал дух прошлого.

Двигаясь вверх, он оказался в просторном зале, таком же мрачном, затопленном, как и коридор, затем заметил рваную пробоину в потолке.

Всплывая, он думал что попадет в очередное затопленное помещение, но каково было его изумление, когда перед глазами вдруг всколыхнулась водная гладь и... он вынырнул, оказавшись внутри отсека, наполненного затхлым воздухом!

Те острые чувства навек отпечатались в душе и памяти.

...

– Я так никому и не рассказал о своей находке, – отшельник, переводя дыхание, сделал несколько глотков из чашки, вновь наполнил ее.

– Почему? – спросила Инга. Она находилась под впечатлением услышанного, словно сама сделала потрясающее открытие.

– Я хотел поделиться тайной с родителями, спросить их совета, но внутри древнего сооружения вдруг стали происходить таинственные явления. Сначала я очень испугался, уплыл, дав себе клятву больше никогда не возвращаться, но страх постепенно прошел, а жгучее любопытство росло, я ничего не мог с собой поделаться, почти перестал спать, и, в конце концов, не выдержал, снова приплыл туда.

– А что же происходило? – Инга невольно подалась вперед, опираясь локтями о разделяющий их стол.

– С каждым моим появлением внутри незатопленных отсеков что-то менялось. Сначала воздух стал чище. Затем под сводами начали тускло тлеть овальные панели. В дымчатой глубине облицовки стен появились крохотные разноцветные искорки, и я понял, что своим приходом разбудил древнюю, дремавшую тут силу.

– Но ведь она оказалась не злой, и не страшной? – Инга невольно огляделась.

Под сводами батт отсека сияли овальные светильники, в глубине дымчатой облицовки стен, меж множеством вмонтированных в них приборов и устройств, знакомо перемигивались разноцветные сигналы световой индикации, некоторые имели вид пиктограмм, иные блуждали от устройства к устройству, прокладывая пунктирные линии. Инге такая обстановка была знакома с детства, ведь она часто бывала тут и даже знала назначение многих световых пятнышек, прикосновение к которым приводило в действие определенные механизмы.

– Другой подросток на моем месте уплыл бы без оглядки, но я не смог преодолеть таинственного притяжения этих отсеков. Мне казалось, что тайны древности вот-вот откроются, я сумею в чем-то разобраться.

– Но ты ведь разобрался!

– Позже. Намного позже.

– Когда тебя изгнали? – догадалась Инга.

– Да. Я бы погиб, не будь у меня убежища. Выжить без эмиранга вне города невозможно, но сила, пробудившаяся тут вместе с моим первым появлением, действительно оказалась дружелюбной. Сейчас я хорошо изучил ее.

– У нее есть имя или название?

– Система жизнеобеспечения, – ответил Фридрих.

– А как ты о ней узнал? Как вы... познакомились? – Инге явно не хватало знания специальных терминов, чтобы точно сформулировать вопрос.

– Когда меня изгнали из Чертога, я всплыл к поверхности океана в полном отчаянии. Мне казалось, что жизнь закончена, но, взглянув в глубины, сквозь толщу воды, увидел холодный свет, преломляющийся в стекловидных зарослях. Убежище как будто звало меня, напоминало о себе...

– И ты... нырнул?

– Да. Мне было страшно и одиноко. Без помощи эмиранга мне едва удалось погрузиться на такую глубину, я сделал несколько неудачных попыток, вновь и вновь задерживая дыхание, а когда все же сумел добраться до убежища и оказался внутри, в голове шумело, из носа и ушей, из-за частых погружений и всплытий, шла кровь.

– Как же ты выжил? Как находил еду и воду?

– Было трудно. Поначалу пришло окончательное отчаяние, но постепенно голод и жажда привели меня в чувство. Тратя последние силы, я принялся более тщательно исследовать доступные помещения и в одном из них отыскал скафандр, тот самый, которым пользуюсь до сих пор. Он оказался достаточно простым в эксплуатации, интуитивно понятным, и с его помощью я вновь смог выходить за пределы убежища, собирая моллюсков и плоды водорослей, в мякоти которых накапливается опресненная вода, я не погиб, но долгое время влачил достаточно жалкое существование. Чтобы не сойти с ума от одиночества, я пытался разобраться в древних системах, искал источник таинственной силы зажигающей свет, подающей воздух в

отсеки, но настоящее открытие сделал лишь спустя годы, когда совершенно случайно обнаружил еще несколько изолированных, но не затопленных отсеков.

Отшельник вновь ненадолго замолчал, Инга же терпеливо ждала продолжения, в мыслях сопереживая дедушке Фридриху. Сколько, оказывается, ему пришлось пережить...

– Случайная находка перевернула всю мою жизнь, – голос Фридриха звучал теперь надтреснуто, выдавая сильное душевное волнение. – Внешне это был обыкновенный контейнер из прочного материала, каких полно вокруг моего жилища, – придонные течения часто обнажают их из-под наносов песка.

Этот ничем не отличался по форме, но содержал не ржавые инструменты, или испорченные водой приборы, а десятки тысяч герметично упакованных в прозрачный материал микрочипов.

Я уже умел к тому времени управлять некоторыми системами убежища, но одна из комнат, та, где вдоль стен высятся сплошь покрытые огоньками выступы, оставалась для меня полной загадкой. Я часто бывал там, пытался прикосновением к разным пиктограммам добиться хоть какого-то отклика, но тщетно.

Рассматривая найденные чипы, я заметил, что по форме они совпадают с узкими, почти незаметными прорезями на одном из выступов загадочного отсека. Действуя по наитию, я пришел в то помещение и заполнил пустующие прорези взятыми наугад тонкими, но прочными пластинками. На их торцах я рассмотрел микроскопические контакты, что помогло мне правильно расположить чипы.

Сначала ничего не изменилось. Сев в кресло, я приготовился ждать, в надежде, что произойдет хоть что-нибудь, когда внезапно в воздухе вокруг меня возникло яркое свечение, оно словно жидкий, холодный огонь обьяло стены, пол, потолок отсека, – я оказался в центре сияющего пространства, сидел в кресле, не смея перевести дух, а вокруг меня стремительно формировалась нечто непонятное. Лишь позже я смог узнать названия многим устройствам, а тогда просто сидел, затаив дыхание, не в силах остановить таинственный процесс.

Свечение, что так напугало меня, оказалось границами сферы голографического воспроизведения, – Фридрих употреблял непонятные Инге термины, но она слушала не перебивая, пытаясь представить, все что рассказывал отшельник.

– Через минуту сияние стабилизировалось, вокруг меня сформировались виртуальные экраны, появились яркие, вычерченные микролазерами, строки навигационных меню. Я сидел и рассматривал поразительные предметы, сотканные из света и воздуха. При попытке дотронуться до них рука проходила насквозь! Честно говоря, я растерялся, не понимая, что нахожусь в поле информационного пространства, и долго не решался на какие-то действия, пока не догадался протянуть руку и как бы прикоснуться к одной из надписей, смысл которой мне был понятен.

Вход в систему.

«Окружающее информационное пространство мгновенно отреагировало. Трудно привести пример для сравнения, – задумчиво произнес Фридрих. – Наверное, будет правильно сказать, что передо мной распахнулись врата в иную, давно утраченную людьми реальность».

* * *

Шли годы.

Изучая наследие древности, Фридрих не замечал течения времени. Минула зрелость, но большая часть микрочипов из найденной им библиотеки все еще ждала своей очереди на прочтение. Каждый содержал огромные объемы информации, порой отшельнику казалось, что одному человеку просто не под силу понять глобальное информационное наследие предков.

Именно эта мысль звучала все настойчивее, он понимал, что сделал величайшее открытие своей эпохи, но что в нем толку, если тайны прошлого, завесу которых удалось лишь слегка приподнять, снова канут в небытие?

В Лазурном Чертоге о нем давно позабыли, и, решив вернуться, Фридрих ожидал встретить если не враждебный, то откровенно настороженный прием, однако изменения, коснувшись города, оказались столь значительны, что появление отшельника никто не заметил. Турбины гидроэлектростанции, питающей город энергией, по все видимости не работали, Чертог казался вымершим, лишь редкие освещенные окна батт отсеков источали характерное, призрачное сияние люминермов.

Солнце уже зашло, под водой царили сумерки, Фридрих, облаченный в громоздкую экипировку предков, долго стоял на краю Волнующегося Леса, осматривая темные склоны овального кратера, затем, заметив двух людей, плывущих к расположенному неподалеку кварталу, проследил за ними взглядом.

Они исчезли из поля зрения так же быстро, как и появились, но спустя минуту одно из овальных окон осветилось, – слабое сияние люминермов указало, путь к обитаемому жилищу. Чтобы не пугать хозяев своим облачением, Фридрих решил снять скафандр, задержал дыхание и поплыл, ориентируясь на тусклое пятно света.

Вынырнув в шлюзовом бассейне, он вдохнул затхлый, давно не вентилируемый воздух, увидел в тусклом свете пучка люминермов бледного, осунувшегося мужчину, готового отразить нападение, заслонившего собой беременную жену.

Увидев Фридриха, мужчина опустил самодельное оружие. В его взгляде читалось удивление.

– Ты кто?

Отшельник, уже много лет не общавшийся с людьми, был потрясен встречей до глубин души.

– Меня зовут Фридрих, – хрипло произнес он. Звук собственного голоса показался ему громким, пугающим.

– Николай, – представился хозяин батт отсека. Он хоть и опустил самодельный гарпун, но оставался настороже. – Не припомню тебя.

– Я потерял эмиранга и много времени прожил в одиночестве, – Фридрих решил сразу сказать правду. – Что случилось с городом? И почему ты встречаешь гостей с гарпуном в руках?

– Коля, опусти оружие!.. – молодая женщина коснулась плеча мужа, успокаивая его. – Я слышала об изгнаннике по имени Фридрих, – она взглянула на него. – Ты сын Ульриха и Теи, последних инженеров Чертога?

– Да, – отшельник был крайне удивлен, что память о давних событиях все еще не стерта временем.

– Твоих родителей больше нет с нами, – тихо произнесла девушка.

Фридрих присел на краешек шлюзового бассейна. Казалось, вся жизнь промелькнула перед глазами за несколько секунд.

– Они отказались от меня, – отшельник с трудом сглотнул подкативший к горлу горький комок. – После того, как погиб мой эмиранг... – дрогнувшим голосом добавил он.

– Печальная история... Меня зовут Катя. – Она смотрела на старого отшельника со смесью надежды и суеверного страха. – Ты вернулся, чтобы нам помочь?

Николай, все время настороженно следивший за Фридрихом, прислонил самодельный гарпун к стене.

– Извини за такой прием. Тяжелые времена наступили. Подача энергии прекратилась пару месяцев назад. До этого фермы в Изумрудной Глади пострадали от сильнейшего шторма. Что-то загадочное происходит в глубинах. Оттуда начали подниматься опасные существа. Хранитель Хорест недавно отогнал их от города, но все равно приходится оставаться настороже.

Многие, кто родился и живет без эмирангов, теперь на волоске от гибели. Энергии нет, и регенераторы воздуха не работают. Хранитель Хорест сказал, что они наказаны за отступничество от Пути Выживших.

Сколь непредсказуемы, жестоки grimасы судьбы.

Он, изгнанный из города, по сути приговоренный к смерти, оказался единственным, кто способен спасти Лазурный Чертог.

В первый момент Фридрих не знал, как поступить. Одно упоминание имени Хранителя Хореста вызвало в нем бурю давних, почти забытых чувств, но ярость угасла, стоило ему взглянуть на беременную женщину.

– Я осмотрю турбины генераторов, – он встал, жестом отказываясь от скудного угощения. – Думаю, что смогу восстановить работу энергостанции.

Так Фридрих вернулся к людям.

* * *

– Это были мои родители?

– Да. Тогда я случайно познакомился с ними.

– И ты восстановил подачу энергии?

– Это было несложно. Просто в Чертоге к тому времени уже не осталось никого, обладающего техническими знаниями. Поломка оказалась незначительной, я справился с ней за несколько часов.

– Так почему же ты до сих пор живешь тут, один?

– Я не прижился в обществе, – честно ответил Фридрих. – Обо мне поползли самые противоречивые слухи. Хранитель Хорест публично назвал меня новым механопоклонником. Он слепо следовал традициям, не понимая истинной ценности и могущества знаний, а я так и не нашел никого, кто захотел бы стать моим преемником. – Он печально взглянул на Ингу и предложил: – Но, давай сменим тему.

Она отрицательно покачала головой.

Рассказ отшельника затронул самые глубинные струны ее души.

– Дедушка, ты сказал, что знания – это очень могучая сила?

– Конечно.

– Так почему же ты ничего не изменишь? Не воспользуешься своим могуществом, чтобы вернуть эмирангов? Снова сделать всех людей счастливыми? Теперь я понимаю, почему тот мужчина так зло смотрел на меня. Ведь у него нет эмира.

– Это невозможно.

– Почему?

– Знания, которые я получил, принадлежат к сумме технологий другого мира, цивилизации наших предков, живших на Земле. Они действительно бесценны, могущественны, но понять с их помощью наш мир, очень трудно.

– Разве твой батт отсек – не древний храм механопоклонников?

– Нет. Это фрагмент того самого огромного космического корабля, на котором когда-то путешествовали наши предки. И библиотека, которую я изучаю многие годы, не содержит ни байта информации о нашем мире.

– Жаль... – вздохнула Инга. – А ты мне покажешь информаторий? Научишь работать с ним?

В глазах старика промелькнул огонек надежды.

– А ты действительно этого хочешь?

– Конечно! А ты думал, я выслушаю тебя и тут же все забуду?

Глава 2

Лазурный Чертог. Пять лет спустя

– Ну, милая, нам пора, – Катя поцеловала дочь. – Будь умницей. Мы с папой вернемся через две недели.

– Мам... – попыталась протестовать Инга.

– Не обсуждается. Ты остаешься. Пора привыкать к взрослой, самостоятельной жизни. Готовься, через месяц у тебя экзамен.

– Вы только и думаете, что об этом никому не нужном тестировании! – с досадой воскликнула она.

– Ты не права. Совершеннолетие – важный этап в жизни. Мы живем в обществе, понимаешь? И должны придерживаться существующих правил.

– Я и так знаю, кем стану! – Инга упрямо поджала губы. Относятся ко мне, как к маленькой, – мысленно вздохнула девушка.

Родители все же уплыли.

И уговаривать было бесполезно, – подумала Инга. Ей хотелось отправиться с ними на фермы Изумрудной Глади, но приближающееся совершеннолетие спутало все планы. Кто-то в Городском Совете решил, что каждый житель Чертога, достигший двадцатилетнего возраста, обязательно должен ответить на кучу вопросов, продемонстрировать уровень своих знаний, проявить склонность к определенным занятиям, и по результатам – получить рекомендацию.

Какая глупость! – предстоящее тестирование казалась ей совершенно бесполезной, бессмысленной процедурой.

Подойдя к окну, девушка успела заметить, как из глубин центральной впадины Лазурного Чертога появились стремительные силуэты двух эмров.

За ними показался и третий, Инга мгновенно узнала своего эмиранга, он начал разворачиваться, но не завершил трансформации. Два эмра тем временем окутали тела родителей, слились с ними, а ее эмиранг растерялся, заметив, что привычный ход событий грубо нарушен. Инга не выплыла из батт отсека, и он, покружив у входа, вновь углубился в чашу подводных растений.

Обидно. Но ничего не поделаешь.

Она присела за стол, задумчиво глядя в окно.

Инга повзрослела, сильно изменилась за истекшие пять лет.

Знания.

Поначалу, едва научившись работать с информаторием, она пришла в замешательство от объемов доступных данных. Информационная вселенная казалась необъятной, наследие предков – потрясающим, но трудным для понимания.

После долгих уговоров, получив разрешение родителей, она год прожила за городом, в батт отсеке дедушки Фридриха. Постепенно, с помощью обучающей аппаратуры и программ, разработанных в рамках проектов колонизации иных миров¹, Инга получила базовое образование.

¹ Обучающие программы и аппаратура, предназначенные для колониальных транспортов, разрабатывались с учетом возможной деградации нескольких поколений. По умолчанию предполагалось, что пользователь не обладает должным уровнем подготовки, и преподавание избранной дисциплины начиналось с элементарных основ, постепенно усложняясь по мере усвоения пройденных материалов. В информаториях колониального типа широко применялся метод гипнотического обучения, так как энное поколение колонистов, по мнению земных инженеров, утратив технологию имплантации, уже не могло воспользоваться преимуществами прямого нейросенсорного контакта между кибернетической системой информатория и разумом обучаемого.

Нельзя сказать, что процесс обучения давался ей легко. Иногда казалось, что голова попросту лопнет, но в такие моменты выручал эмиранг, – Инга отправлялась в длительные прогулки, а затем с новыми силами возвращалась к занятиям.

Она подсознательно ждала чуда, какого-то глобального переворота, обновления, но спустя год, вернувшись на фермы Изумрудной Глади (на этом настоял Фридрих, опасаясь, что возрастающая информационная нагрузка плохо скажется на ее здоровье), Инга достаточно быстро убедилась, что между теорией и практикой лежит огромная пропасть, прежде всего, технологическая.

Изменился образ ее мышления. Разум Инги в процессе усвоения общеобразовательных программ постепенно превратился в мощный инструмент познания мира, но, полная сил, энергии, замыслов, она пока еще не могла реализовать свой потенциал.

– Дедушка, почему ты отправляешь меня к родителям? – спрашивала она, однако Фридрих был непреклонен:

– Тебе необходима пауза, отдых. Посмотри, как осунулась. На природе вы с эмром быстро восстановите силы. Инга, не торопи события. У тебя вся жизнь впереди, а информаторий никуда не денется, верно?

Она, конечно, выслушала его, но, вернувшись в Изумрудную Гладь, тут же развила бурную деятельность. Инга грезилась великими научными открытиями, и непременно перевернула бы мир, окажись под рукой столь необходимый рычаг.

Технологическая пропасть...

Практическое применение полученных знаний предполагало наличие различного оборудования, полевых лабораторных комплексов, ну, или хотя бы самых простейших, приборов и инструментов. Наука далекой прародины полностью опиралась на мощь достижений технического прогресса, методика исследований, так изящно изложенная в пособиях по практической экзобиологии, обернулась нагромождение бессмысленных фраз, учитывая, что цивилизация Лазурного Чертога не сохранила технологического наследия предков.

Что же оставалось в сухом остатке?

Ее пылкий ум, наблюдательность и не угасший после первых неудач энтузиазм.

Инга выросла. Ее жизнь протекала вдали от города. Между сезонами штормов – в Изумрудной Глади, в периоды непогоды девушка, минуя Чертог, спешила к Фридриху, чтобы вновь и вновь погружаться в информационную вселенную.

Отшельник по ее просьбе понемногу конструировал некоторые приборы, она продолжала расширять и углублять знания, жизнь снова наладилась, вошла в определенное русло, и лишь непонятная настойчивость родителей в канун совершеннолетия заставила Ингу впервые за пять лет вернуться в город.

* * *

Сидя у окна батт отсека она наблюдала за жизнью неузнаваемо изменившегося Лазурного Чертога.

В пору ее детства город выглядел тихим, несуетливым, почти пустынным, а теперь с первыми лучами солнца во впадине закипала жизнь.

Люди, что спешили по своим делам, различались резко и недвусмысленно. Лишь немногие передвигались в водной стихии совершенно свободно, естественно. Их тела покрывала плоть эмирангов, существа-симбионты не стесняли движений, наоборот, прилегая, словно вторая кожа, они позволяли человеку находиться под водой сколько потребуется. Удивительные, преданные, но все же таинственные, так никем и не изученные обитатели океанских глубин защищали людей от переохлаждения, позволяли дышать под водой, ориентироваться в условиях плохой видимости.

Инга, прекрасно понимая значение термина «симбионт», часто задумывалась: а что эмиранги получают взамен? но ответа пока не находила, словно разгадка скрывалась где-то за пределом доступных на сегодняшний день знаний.

Глядя на широкие просеки, разделившие заповедную чащу Волнующегося Леса, она испытывала грусть. В расчищенном от подводной растительности пространстве провели сложную многократно перекрещивающуюся сеть коммуникаций. Прочные канаты, сплетенные из особого вида водорослей, соединили между собой удаленные кварталы батт отсеков. Чтобы канаты могли противостоять подводным течениям, их туго натянули и закрепили ко дну котловины при помощи вертикальных растяжек. Через равные промежутки вдоль каждой «путеводной нити» располагались точки свободного дыхания – полусферические купола трех метров в диаметре, удерживаемые на нужной глубине якорями и тросами.

Каждый такой купол (а их насчитывалось больше полусотни) изготавливался из тонкого, прозрачного, но очень прочного органического материала, выращиваемого на фермах Изумрудной Глади. Воздух в точках свободного дыхания регенерировался микроскопическими водорослями, ночью же купола источали свет, за счет густого обрамления из люминермов.

Вдоль путеводных канатов передвигались те обитатели Лазурного Чертога, у кого не было своего эмиранга. Покидая батт отсеки, они не могли длительное время находиться под водой, им приходилось периодически выныривать внутри куполов, чтобы отдышаться, и вновь продолжить путь, совершая десятки коротких погружений по пути из одного квартала в другой.

Инга долго сидела у окна, наблюдая и размышляя.

Зачем родители оставили меня одну в канун совершеннолетия? Хотят примирить с неузнаваемо изменившимся городом? Вот только зачем? Чертог уже не тот, участков Волнующегося Леса почти не осталось, повсюду протянуты непривычные коммуникации, – она впитывала взглядом панораму города, замечая, что люди, облаченные в плоть эмирангов, сторонятся туго натянутой сети, оплывают стороной кварталы батт отсеков, где полным ходом идет коренная реконструкция. Десятки рабочих, облаченные в громоздкие гидрокостюмы, разделившись на бригады, возводили уродливые (с точки зрения Инги) секции герметичных переходов, в районе строительства периодически происходили выбросы песка и ила, вода там была мутной, мелькали непонятные огни, к поверхности устремлялись огромные пузыри газа, вырывающиеся из глубин ранее затопленных, не используемых для жилья помещений.

Представляю, во что превратится Лазурный Чертог спустя несколько лет, с грустью подумала Инга.

Нет, я ни за что не останусь жить тут, какими бы ни оказались рекомендации Совета по итогам тестирования. Великолепие просторов Изумрудной Глади не шло ни в какое сравнение с изуродованными процессами подводной урбанизации Чертогом. Лишь вдалеке от города среди царства живой природы Инга чувствовала себя по-настоящему свободной и счастливой, оставалась, не смотря на быстрое взросление, все тем же светлым существом, – искренним, добрым, любознательным.

Она решительно отодвинула стопку листов с вопросами для тестирования. Движение вышло резким, часть страниц соскользнула в щель между стоящим у окна столом и плавно закругляющейся стеной батт отсека.

Она наклонилась, намереваясь подобрать их, и тут что-то заставило ее забыть об упавших на пол страницах, выпрямиться, внимательно осмотреться по сторонам.

Вроде бы все как обычно, мысленно успокоила себя Инга. Ее окружала знакомая с детства обстановка, ничуть не изменившаяся за прошедшие годы. Тогда в чем причина внезапной настороженности?

Ее повзрослевший рассудок искал, но пока не находил источник внутренней тревоги.

* * *

Ну, будешь теперь нервничать по мелочам, мысленно укорила себя Инга.

Не помогло. Взгляд девушки вновь тревожно и внимательно обежал знакомое помещение. Изменилась не обстановка батт отсека, а ее восприятие, выработавшаяся за период интенсивного обучения привычка запоминать и анализировать информацию, в том числе визуальную, позволила Инге подметить кричащую грань новизны: ни один из предметов скудной мебелировки по своей форме не совпадал с плавными закруглениями стен помещения!

Щель между потрескавшейся от времени прямоугольной столешницей и чуть изогнутым профилем окна, куда упали злополучные листы, еще можно было бы списать на случайность, но взять тот же регенератор воздуха, – почему его корпус неплотно прилегает к изгибу поверхности стены, не совпадает с ней по форме?

Взгляд Инги быстро и недвусмысленно находил десятки других мелких несоответствий формы батт отсека и его внутреннего наполнения: ее окружали черные, как смоль, очень прочные, не подверженные бегу времени стены, со сложной геометрией поверхностей, не имеющих ни одного острого угла. Обветшалые предметы мебели и немногочисленные бытовые приборы на этом фоне воспринимались чужеродно, угловато, словно их установили тут за неимением лучшего.

Мгновенно вспомнилась обстановка жилища отшельника.

Там каждая деталь интерьера совершенно точно вписывалась в геометрию помещений. Ну, хорошо, мысленно успокоила себя Инга, все же дедушка Фридрих живет в обломке космического корабля, который тщательно проектировали...

Нет, объяснение неудачное.

Ее пылливый ум искал непротиворечивый ответ найденным несоответствиям, но тщетно. Стоило лишь задуматься, как нить рассуждений скользнула дальше, появились новые вопросы. По словам отшельника, люди Эмра изначально поселились в Изумрудной Глади, а уже после разрушения ураганом Купола Надежды, мигрировали сюда, выстроив в стенах города кварталы батт отсеков.

Инга не могла отделаться от ощущения, что пытается мысленно соединить две абсолютно чуждые друг другу реальности, никогда не составлявшие единого целого.

Она глубоко задумалась, глядя за окно, восстанавливая в памяти все, что знала об истории Лазурного Чертога.

У нее не вызывало сомнений, что люди, относящиеся к ветви «механопоклонников» могли выстроить Купол Надежды. Технологии земной цивилизации и множество механизмов с борта колониального транспорта вполне позволяли им осуществить столь масштабный проект, но где же тогда сам город? – спрашивала себя Инга. – Где внутреннее наполнение купола, жилые дома, дороги, общественные здания, промышленные комплексы, наличие которых подразумевалось «по умолчанию», ведь люди, прилетевшие на космическом корабле, должны были следовать типовым решениям, разработанным для колониального строительства. Да, они попали в уникальные условия, были вынуждены строить подводный купол, ну и что? – размышляла Инга. По данным информатория, Человечество, к моменту начала колониальных проектов, уже накопило достаточный опыт в возведении защитных герметичных конструкций.

Почему стены Чертога стоят, будто монумент, а все остальное исчезло, оставив после себя лишь оплывшие холмики на дне впадины? – спрашивала себя Инга. Мысленный анализ знакомых с детства структур, начавшийся с простого падения листков в широкую щель между прямоугольным столом и плавным закруглением стены родного батт отсека, стал прямым следствием ее наблюдательности. Несколько лет Инга не бывала в городе и теперь смотрела на

окружающее обновленным, пытливым, заинтересованным взглядом, замечая сотни деталей, на которые раньше просто не обращала внимания.

Ну, хорошо, допустим, что стены купола строили из более прочного материала, поэтому они сохранились, а остальные здания постепенно разрушились, – Инга пыталась рассуждать здраво, но лишь умножала количество возникающих противоречий. Взять хотя бы дороги. Их наверняка бы строили в виде многоуровневой структуры, и такая конструкция не менее требовательна к прочности материалов. Но от них не осталось и следа.

Она представила давние события, нарисовала в воображении покинутый механопклонниками, затопленный город. Дедушка Фридрих утверждал, что кварталы батт отсеков были созданы первыми поселенцами из числа людей Эмра, но он ни разу не упомянул, какой технологией пользовались далекие предки?

Ей были хорошо знакомы коралловые пещеры Изумрудной Глади, где изначально поселились люди Эмра. По личным наблюдениям Инги жизненного пространства там хватало на две-три сотни человек, не больше. Значит, разрушенный ураганом купол колонизировала небольшая по численности группа поселенцев. Предки никогда не использовали машины, следуя иному пути выживания, и возникал закономерный вопрос: в силу каких обстоятельств они взялись за титанический труд, при помощи каких устройств вырезали в монолитных стенах Чертога десятки тысяч одинаковых по форме и структуре батт отсеков?

И вообще, нуждались ли первые поселенцы Лазурного Чертога в таком количестве жилищ?

Думаю, нет, мысленно рассудила Инга. У них не было ни соответствующих технологий, ни необходимости.

Скорее всего, древние легенды исказили истину, спрятали ее за вуалью более поздних вымыслов. В таком случае батт отсеки являются изначальной, неотъемлемой структурой стен Лазурного Чертога, а люди Эмра лишь воспользовались уже готовыми жилищами?

Подобная трактовка древних событий объясняла многое. Население Чертога не превышало тысячи человек и большинство кварталов с незапамятных времен оставались заброшенными, непригодными для жизни.

И там наверняка сохранились свидетельства, оставшиеся со времен цивилизации механопклонников – настоящих строителей купола, подумала Инга.

В детстве родители строго-настроено запрещали ей заплывать в затопленные батт отсеки, пугая мифическими чудовищами, что обитают в их темных глубинах.

Но я уже взрослая! – Инга решительно встала. Томительное бездействие никак не подходило для ее энергичной натуры. Чем сидеть над длиннющим списком вопросов, намного интереснее провести собственное небольшое историческое исследование. Вот дедушка Фридрих удивится, если я смогу найти доказательства, что уступчатые кварталы батт отсеков и являлись городом механопклонников!

А что же тогда располагалось на дне котловины? – тут же спросила себя Инга. – Надо бы погрузиться в чашу Волнующегося леса, или осмотреть расчищенные участки, вдруг там, в процессе реконструкции строители открыли что-то новое, ранее недоступное взгляду?

* * *

Эмиранг подждал ее неподалеку от круглого отверстия выхода из батт отсека, который располагался в покрытой бархатистым ковром водорослей монументальной стене Чертога.

Уже незаметно подкрался вечер, город, погруженный в сумерки, выглядел таинственным, тусклое сияние овальных окон да свечение люминермов, обрамляющих дыхательные купола, едва пробивалось сквозь толщу воды.

Ожидая, пока эвр завершит трансформацию, Инга придерживалась рукой за небольшой выступ. Ее пальцы соскользнули, движение с неожиданной легкостью содрало несколько квадратных сантиметров зеленых водорослей, обнажив под ними все тот же черный материал, из которого состояли стены, пол и потолок батт отсека.

Раньше содранный клочок водорослей не привлек бы внимания девушки, но теперь каждая мелочь, словно специально вызывала повышенный интерес. Инга потянулась к ближайшему люминерму. Свет опалесцирующего растения озарил участок отвесной стены.

Как же сильно меняются привычные с детства детали окружающего мира, если взглянуть на них с иной точки зрения! Сколько раз, подплывая к входу в родной батт отсек, Инга скользила взглядом по такой же неровной бархатисто-зеленой поверхности, не замечая в ней ничего необычного. Теперь, присмотревшись, она поняла: наплывы созданы не колониями водорослей и не вековыми отложениями растворенных в воде веществ, – неповторимый, замысловатый узорчатый микрорельеф закругляющимся стенам Лазурного Чертога придавала особая структура поверхности, созданная в незапамятные времена, еще при строительстве.

Она тут же попробовала убрать все современное, представить, как выглядел город раньше, когда под куполом не было воды?

Ее мысленному взору предстала довольно угрюмая (с точки зрения подводного жителя) картина. Если убрать маскирующий покров водорослей, на миг представить, что окончательно исчезли заросли Волнующегося Леса, иссякло зарево люминермов, то вокруг оставались только черные стены, покрытые странной текстурой микроскопических рельефных потеков. Из стен черного кратера, в толще которых располагались десятки тысяч батт отсеков, торчали обломки плавно изгибающихся балок. Мысленно продолжив и соединив их, Инга ясно представила купол, который поднимался выше уровня поверхности океана!

Мрачная эстетика черного сооружения лишь взбудоражила мысли, подстегнула проснувшийся интерес.

Зачем строить купол, возвышающийся над поверхностью океана? – спросила себя Инга. Напор сезонных штормов выдержит не каждое сооружение, это она знала из личного опыта, – некоторые фермы Изумрудной Глади, расположенные на мелководьях, периодически подвергались разрушительному воздействию стихии. Гораздо практичнее и безопаснее строить на небольших глубинах – и солнечного света достаточно, и в ненастье не ощущается сокрушительных ударов волн.

Освещая стену люминермом, Инга, очарованная внезапной игрой мыслей, воображения, приподняла ковер водорослей.

Действительно, всю площадь обнажившегося участка стены покрывали черные наплывы. Для чего они служат? Есть ли у них какое-то назначение? Или это своего рода декоративный элемент древней отделки?

Ее небольшое исследование, обещавшее стать приключением на один вечер, становилось все более интересным, будоражащим воображение.

Сгустившиеся сумерки Ингу не смущали. Небо над Чертогом оставалось ясным, в нем появились первые робкие искорки звезд, скоро взойдет луна и озарит город холодным оранжевым светом. Внутри затопленных отсеков ей достаточно пучка люминермов, чтобы рассмотреть детали обстановки, а общую картину помещений вычертит эхолокатор эмиранга.

Эвр тем временем завершил трансформацию. Теперь он плотно облегал тело Инги, не стесняя ее движений.

Простые мысленные сигналы эмиранга, передающиеся через соединение с нервными окончаниями, говорили о нетерпеливой готовности симбионта. Почему-то этим вечером, Инге все казалось загадочным, несущим особенный смысл. Даже поведение эвра приобрело очень тонкую эмоциональную окраску, словно простые, понятные с раннего детства покалывания

разных участков кожи вдруг приобрели широкую гамму оттенков нетерпения, будто эмер все понимал, и ему тоже хотелось испытать на прочность древние легенды.

Над океаном всходил огромный диск луны, ее холодный оранжевый свет, преломленный рябью водной поверхности, скользил по стенам Чертога, блуждал по лениво изгибающимся стеблям и листьям подводных растений, струился изменчивым узором огненных прожилок.

Зрелище красивое, завораживающее.

Инга невольно залюбовалась восходом луны. Она привычно держалась на определенной глубине, при этом девушка не прилагала осознанных усилий, процессом управлял эмер, а Инга наблюдая за танцем света, задержала взгляд на разрушенной части древнего купола.

Ребра массивных балок, изгибающихся над котловиной Лазурного Чертога, густо обросшие водорослями, располагались параллельно друг другу. Сокрушительная сила стихии сломала надводные части конструкции, но те, что находились в нескольких метрах под водой, уцелели.

Недалеко от квартала батт отсеков между ними располагалось темно-фиолетовое пятно.

Еще девочкой Инга часто обращала внимание на колонию фиолетовых водорослей, расположенную недалеко от поверхности воды, в зоне течений, меняющихся в зависимости от времени суток.

В детстве ей строго запрещали всплывать к поверхности океана, преувеличивая силу и коварство водных потоков, но сообразительная девочка, выслушав пояснения родителей, тут же нашла применение полученному предупреждению: она научилась определять примерное время по длинным косам фиолетовых водорослей, свисающих со странного прямоугольного образования. Если наверху не штормило, то с утра они отклонялись в сторону Песчаной Ряби, к полудню повисали почти неподвижно, а ближе к вечеру вновь развевались под напором течения, но теперь уже в противоположном направлении.

А я ведь так ни разу и всплывала к ним, подумала Инга. Она оттолкнулась от стены Чертога и начала всплывать к поверхности океана.

Течение действительно оказалось довольно сильным, но и Инга выросла, приобрела опыт подводных путешествий, знала, как действовать в сложных ситуациях. Она намеренно уклонилась в сторону от конечной цели, несколько секунд восторженно двигалась по воле стихии, затем ловко зацепилась руками за поросший водорослями фрагмент балки, расположенной прямо над колонией фиолетовых водорослей.

Инга находилась сейчас всего в метре от поверхности воды, и ощущала легкое волнение океана. Днем тут все пронизано солнечными лучами, и не удивительно, что гирлянды фиолетового растения выросли на десятки метров, свободно развеваясь по воле течения.

Она скользнула ладонью по боковой поверхности обломка неохватной, плавно изгибающейся балки. Пальцы легко прошли сквозь водоросли, осязая десять глубоких пазов.

Очень интересно... Девушка доплыла до соседнего обломка конструкции древнего купола и там обнаружила симметрично расположенные углубления.

Что бы это могло значить? – она развернулась, взглянув на прямоугольное образование, расположенное глубже, густо обросшее водорослями.

На этот раз эмиранг помог ей преодолеть сопротивление течения, выбрасывая воду в виде реактивных струй. Оказавшись в чаще фиолетовой растительности, Инга ухватила за прочные стебли, перебирая руками, добралась до прямоугольной плиты, застывшей меж двумя «ребрами» разрушенного каркаса.

Вот это открытие! – восторженно подумала она. Оказывается, прямоугольник, выполненный из такого же черного материала, как и стены Чертога, не был монолитным, на самом деле он представлял собой сборку из десяти расположенных друг над другом одинаковых сегментов, каждый из которых плотно входил в соответствующие пазы балок!

Осмотрев фрагменты древнего сооружения, Инга не обнаружила механизмов привода, но и так было понятно, – когда-то сегменты обладали возможностью скользить в пазах, останавливаясь на разной глубине, частично перекрывая друг друга, как рыба чешуя, образуя плотный и прочный панцирь.

Те люди, что спроектировали Купол Надежды, явно знали об опасности сезонных штормов, предусмотрели защиту от них, но либо механизмы не сработали в нужный момент, либо конструкция оказалась недостаточно прочной, чтобы противостоять силе особенно мощного урагана.

Всплывая к поверхности океана, Инга и не думала, что случайно обнаружит столь явные, неоспоримые свидетельства, поясняющие структуру защитного «панциря», закрывавшего в периоды ненастья прозрачный свод древнего города.

Неужели никто до меня не задавался целью исследовать Чертог, узнать его подлинную историю? – невольно спросила себя Инга. Если ее спонтанное желание всплыть к поверхности, поближе рассмотреть колонию фиолетовых водорослей, обернулось неожиданно сделанным открытием, так что тогда таится в глубинах полуразрушенных, необитаемых кварталов города?

* * *

Затопленные батт отсеки располагались повсюду. Жители Лазурного Чертога использовали лишь малую часть от общего числа существующих помещений. Округлые отверстия, как и ряды овальных окон, располагались ярусами, они имели одинаковые размер и форму. Стандартный батт отсек состоял из трех помещений: центрального со шлюзовым бассейном и двух поменьше, обычно используемых в качестве спален.

Погружаясь к ближайшему необитаемому кварталу, Инга не задавалась вопросом, что и кому собирается доказать, к чему приведет ее попытка пересмотра истории Чертога? Ей было интересно, мысли о загадках древности кружили голову, заставляли замирать сердце в предчувствии грядущих открытий.

Кожу покалывало. Ее эмоциональное состояние передавалось эмирангу, но тот вдруг повел себя странно, стал плотнее прижиматься к хозяйке, словно пытался стеснить движения Инги, не хотел позволить ей углубиться в мрачноватый, заросший лесом водорослей, необитаемый квартал города, где по ночам не светило ни одного окна.

Инга мысленно приказала эмру: прекрати, и он понял, нехотя подчинился, его серая кожа начала излучать слабое сияние, освещая сумеречное пространство подводных зарослей, стелящихся вдоль уступчатых стен овального кратера.

Лес водорослей колыхался вокруг, мелкие обитатели подводного мира сновали между растениями в поисках пищи, они не боялись человека, но и не подплывали слишком близко.

Первый, самый нижний ярус необитаемых, давно затопленных батт отсеков уже был рядом, стоило лишь протянуть руки, раздвинуть густые заросли, как перед Ингой открылся ряд одинаковых, расположенных на равном удалении друг от друга круглых входов.

Она подняла взгляд.

Поврежденные окна, лишившиеся прозрачных вставок, выглядели... немного жутковато. Изнутри пострадавших при давней катастрофе отсеков сквозь овальные проемы пробивалась подводная растительность, стремящаяся к теплу и свету.

Инга замерла, силясь преодолеть внезапную, необъяснимую робость.

Чего я испугалась? Что страшного может таиться в необитаемых кварталах? Разве какой-нибудь диковинный обитатель глубин?

В детстве ей строго-настрого запрещали даже близко подплывать к полностью затопленной части города, нарочно пугая несуществующими опасностями. Инга невольно улыбнулась,

но эмиранг, похоже, не разделял ее оптимизма. Может сказочные растения, похищающие непослушных детей, на самом деле существуют? – промелькнула ироничная мысль.

Что тебя тревожит? Ощущаешь кого-то поблизости? – уже серьезно, без улыбки обратилась Инга к своему симбионту, хотя прекрасно знала эмиранг не ответит, он хоть и умеет различать большинство простых, в основном связанных с движением желаний хозяйки, но на мысли человека реагирует в лучшем случае легким покалыванием.

Ладно. Не бойся. Нет там ничего страшного, Инга решительно поплыла к ближайшему входу в необитаемый батт отсек.

Изгибающийся коридор превратился в вертикальную шахту, из нее Инга попала в шлюзовую бассейн.

Вода не расступилась. Сумеречное помещение было полностью затоплено. Она могла бы всплыть в него и через выбитое окно. Никаких следов мебелировки, словно люди тут никогда и не жили. Инга медленно повернулась, внимательно осматриваясь.

Бортик бассейна показался ей необычным. На нем крепилось кольцо из тускло поблескивающего материала. Похоже на какой-то металл, подумала Инга. Девушка подплыла ближе, расправила зажатый в руке пучок люминермов, добавив их холодное сияние к тусклому свечению эмиранга. Осматривая необычную конструкцию, Инга заметила: поблескивают, отражая свет, только части кольца, идущего по всему периметру входа в батт отсек. Странный «поручень» в нескольких местах был отполирован, словно к нему часто прикасались, используя, как опору. В других местах материал потемнел, кое-где на нем виднелся известковый налет, следы микроскопических колоний моллюсков, тонкие нити водорослей и обрывки незнакомого Инге материала, сначала показавшиеся сродни ткани, какую изготавливают из особого вида волокнистых подводных растений.

Она заинтересовалась странными фрагментами материи, коснулась пальцами одного из них и тут же машинально отдернула руку, почувствовав, как эмиранг сильно сжал ее запястье, а кожу буквально обожгло множеством посылаемых им нервных импульсов.

Ты что? Мне же больно! – мысленно возмутилась Инга, вновь протянула руку, коснулась обрывка «ткани» и тут же пожалела о содеянном. Эмр не зря проявлял нервозность, но лишь сейчас девушка поняла причину его волнения: рваный лоскут оказался не тканью, а... кожей!

Серый материал столь разительно напоминал эластичный кожистый покров эмиранга, что места для сомнений просто не осталось!

Чувства ударили остро, пронзительно. В первом инстинктивном порыве Инга едва не уплыла прочь, ведь в жизни нет ничего страшнее, чем мертвый эмиранг, но что-то подавило панику, она оцепенело смотрела на серые лоскутья, прикрепленные к странному кольцу.

Мысли вихрем проносились в голове. Батт отсек необитаем. Может, леденящие душу лоскутья, как и само кольцо, сохранились с тех незапамятных времен, когда люди Эмра еще не колонизировали разрушенный купол механопоклонников?!

Растерянность Инги можно понять. Для нее эмиранг всегда олицетворял высшую ценность, он неприкосновенен, и как же страшно, жестоко, зловеще выглядели прикрепленные к металлическому поручню останки!

Нет, она не могла вынести вида обрывков кожи эмиранга. Они шевелились по воле слабого проходящего через батт отсек течения. Исследовательский порыв угас, все обернулось страшным и непонятым открытием, наверное, не зря ее столько раз предупреждали: не нужно приближаться к затопленным кварталам, а уж тем более заплывать в заброшенные отсеки!

Инга выскользнула наружу через выбитое овальное окно. Она дрожала всем телом, но эмр, наоборот, успокоился и больше не покалывал кожу.

* * *

Ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Дрожь понемногу отпускала. Эмр притих, будто задумался, окружающий мир, подернутый дымкой острых переживаний, отдалился от Инги, воспринимался ей смутно, как фон.

Эмоции подавили рассудок, она сейчас находилась не в том состоянии, чтобы как-то проанализировать свою страшную находку.

Охваченная смятением, Инга не заметила, как сзади всколыхнулась стена водорослей, лишь боковым зрением уловила стремительное движение вытянутого силуэта, что проплыл над ней, и исчез в темном проеме одного из выбитых окон. Она запоздало вздрогнула, эмр напрягся, но лишь на мгновение.

Значит, реальной угрозы и не было, – облегченно подумала Инга. События этого вечера складывались каким-то мистическим образом. Что за тень промелькнула и растворилась в таинственном сумраке необитаемого отсека, расположенного по соседству с тем, где я побывала? Почему эмр счел существо не опасным?

Ингой владели болезненные, смешанные чувства. Никогда раньше она не видела останков эмиранга, считалось, что когда человек покидал этот мир, его эмр уплывал и больше никогда не возвращался к людям. Значит все не так?

После короткой, но напряженной внутренней борьбы, она все же сумела обуздать эмоции. Мистический страх, охвативший ее, медленно отступал, оставляя настороженное послевкусие: Инга испытывала острое чувство тревоги, смешанное с желанием узнать, что же за существо поселилось в заброшенном квартале, и не причастно ли оно к появлению на странном кольце лоскутьев кожи эмиранга?

Нет. Так не годится, подумала Инга. Если сейчас испугаюсь, уплыву, то потом лишь измучаю себя, выстраивая беспочвенные догадки. К тому же эмиранг оставался на удивление спокоен, и это обстоятельство стало решающим доводом во внутреннем споре.

Инга знала: если б над ними проплыл хищник, то защитные рефлексy симбионта передались бы по ее нервной системе, мобилизуя организм, призывая приготовиться к защите, но ничего подобного не произошло.

Рискну...

Она подплыла к затянутому завесой из нитевидных водорослей овальному оконному проему, раздвинула растительность, заглянула внутрь.

Никого. Может, мне почудилось? – Инга вплыла в затопленный отсек.

Трудно поверить, что в родном и, как казалось, знакомом городе существуют вот такие потаенные места, где жуть накатывает от одного вида пустующих, заросших водорослями помещений.

Она с опаской взглянула в сторону шлюзового бассейна. Блеска металла Инга не заметила, зато увидела серое пятно округлой формы.

Вход в этот отсек закрывало что-то плотное, туго натянутое. Неужели эмиранг?! – мысль окатила новой волной неконтролируемой дрожи.

Кое-как совладав с эмоциями, Инга заставила себя подплыть ближе. Да, действительно, шлюзовой бассейн был плотно закрыт мембраной из серого кожистого материала, туго натянутого на прикрепленное к бортику металлическое кольцо!

На этот раз конструкция выглядела совершенно неповрежденной. По структуре материала «мембрана», преграждающая доступ в отсек, действительно напоминала плотный и в тоже время пластичный, легко поддающийся трансформациям кожистый покров эмиранга!

Инга набралась мужества, прикоснулась к краю мембраны, но характерного отклика, как при контакте с другим эмром, не ощутила.

Но что же я нашла в таком случае?!

* * *

Отплыв в сторону, Инга некоторое время настороженно наблюдала за странной конструкцией, плотно закрывающей шлюзовую бассейн.

Если в предыдущем батт отсеке кольцо находилось выше бортика, приподнятое на коротких штырях, то здесь оно плотно прилегало к черному материалу основания, кожистый материал мембраны был подвернут, образуя уплотнение.

Герметичная перегородка? – пришла в голову мысль.

Инга понимала характер некоторых явлений, не знакомых большинству обитателей Лазурного Чертога. Знания, полученные в процессе обучения, да и личный опыт, связанный с частыми посещениями жилища отшельника, сыграли сейчас решающую роль в осмыслении увиденного. Она провела интуитивную аналогию, основанную не на форме или материале, а на вероятном предназначении устройства.

Да, именно устройства невзирая на пугающее сочетание живого с неживым. Инга невольно поехала, но нить ее рассуждений не прервалась. Если мембрана герметизирует вход в батт отсек, то должен быть и механизм, ею управляющий?

Никаких признаков устройства управления, обнаружить не удалось. В свете пучка люминермов Инга внимательно осмотрела стены, выступающий над уровнем пола бортик шлюзового бассейна, затем ее взгляд переместился выше.

Пока она изучала помещение, эмр все настойчивее покалывал запястье правой руки.

Что ты хочешь? – мысленно спросила Инга.

Привычка разговаривать с эмирангом была родом из детства. Инге всегда хотелось, чтобы однажды эмр ответил ей, но, увы, он не умел разговаривать, лишь покалывание не прекращалось, сейчас симбионт явно пытался передать ей что-то важное, оставалось лишь понять причину его настойчивости...

Инга вновь огляделась, предположив, что все же пропустила какую-то деталь, и тут произошло редкое событие: воспользовавшись моментом, эмиранг, как это иногда случалось в критических ситуациях, перехватил контроль над ее мышцами!

Девушка неосознанно повернулась, протянула руку, коснулась центра плотно натянутой мембраны и... преграда исчезла!

Инга тут же отдернула руку, отплыла от шлюзового бассейна, и серая упругая субстанция, двигаясь от периметра отверстия к его центру, вновь герметично закрыла вход в затопленный отсек!

Ничего себе!..

Эмр, как ни в чем не бывало, притих, лишь правую руку все еще покалывало после его неожиданного вмешательства.

Чужие технологии!

На этот раз мысль в буквальном смысле оглушила Ингу.

Мембрана шлюзового бассейна была живой, она не просто *похожа* на эмра, а состоит из аналогичной ему ткани! Но механопклонники не использовали биотехнологии! Что же получается?! Это не они выстроили Купол Надежды?!

Нет. Подожди! Успокойся! – мысленно прикрикнула на себя Инга.

Легко сказать, – успокойся. Если некоторое время назад Инга вполне обоснованно предполагала, что десятки тысяч батт отсеков созданы колониальными машинами, вырезаны в толстых стенах при помощи мощных лазеров, то теперь, глядя на живую мембрану, она отчетливо понимала: ни механопклонники, ни люди Эмра не обладали достаточным уровнем знаний в

области экзобиологии, чтобы создать биомеханическое устройство, продолжающее функционировать спустя бездну лет после разрушения купола!

Это не наш город, – вновь ударила настойчивая, пугающая мысль.

Простые слова несли в себе потрясающий смысл. Неужели до появления людей на планете уже существовала цивилизация иных разумных существ? Но кто построил Купол? Уж не эмиранги ли? Откуда эмир знает, как управлять мембраной шлюзового бассейна? И зачем он мне показал, как это делается?

* * *

Одно потрясение следовало за другим, но события этого вечера только начинались.

Игра воображения рисовала перед мысленным взором Инги смутные картины. Она пыталась понять, что же в легендах правда, а что вымысел?

Она с трудом могла представить падение исполинского космического корабля, но достаточно хорошо понимала последствия катастрофы: в криогенных залах «Атланта» погруженные в низкотемпературный сон находились сотни тысяч колонистов. После аварийного разделения сегментов автоматика систем поддержания жизни перешла на весьма ограниченный автономный ресурс. То есть, вскоре после крушения в уцелевших сегментах корабля, погрузившихся на дно мирового океана, начались процессы экстренного пробуждения.

Были ли у колонистов время и возможность для масштабного строительства?

Нет.

Ход ее мыслей диктовали знания, полученные в процессе обучения. Вот когда пригодились сведения, казавшиеся излишними, бесполезными, не применимыми на практике, ведь Земля осталась где-то в глубинах космоса, колониальная техника давно канула в Лету, но именно здесь и сейчас стали неоспоримо важны скучные данные относительно технической оснастки космического скитальца, возможностей бортовых механизмов, регламента пробуждения экипажа, базовых инструкций для возведения первичного колониального убежища.

Инга вновь осмотрелась.

Тусклый свет люминермов скользил по черным стенам затопленного бат отсека.

Это не наш город... Но именно он стал спасением для десятков тысяч выживших при крушении людей.

Почему раньше никто не исследовал уникальное сооружение, не сделал очевидных выводов?

Инге стало по-настоящему страшно. Древние легенды так упорно, настойчиво и часто упоминали о враждебном отношении механопоклонников к эмирангам, что невольно закрадывалась мысль, а не силой ли они отняли подводный город у его истинных хозяев?

Инга коснулась пальцами кожи эмира, ласково погладила его.

Если ты наследник древних существ, истинных строителей Лазурного Чертога, поговори со мной...

Нет, он молчал, даже не покалывал кожу.

Что мы узнали об эмирангах за века? Практически ничего. Но древний Купол, под которым существовал клочок суши, не подходит для обитателей океанских глубин, – эта мысль немного успокоила Ингу, сняла невероятное моральное напряжение.

Нет, эмиры вряд ли являлись строителями и хозяевами титанического сооружения. Они предпочитают оставаться в воде, да и зачем доброму разумному существу использовать себе подобных в качестве элемента биомеханической конструкции?

Но ведь люди на Земле создавали биологических роботов по своему образу и подобию... внезапно подумалось ей.

* * *

Первый информационный удар она все-таки выдержала, отвергнув мысль о глобальном доисторическом столкновении эмирангов и механопоклонников.

Отзвук давних событий неизбежно отразился бы в настоящем, – подумалось ей. Но ничего подобного не происходило. Инга привыкла доверять эмру, воспринимать его как частичку себя самой. Никакие ошеломляющие открытия не в состоянии разрушить устойчивую психологическую связь между человеком и эмирангом. Ей внезапно вспомнилось раннее детство, первые прогулки, когда эмр под присмотром родителей учил ее плавать, полностью перехватывая управление над мышцами, показывая, что и как необходимо делать. Разве те впечатления несли в себе отпечаток тревоги? Конечно же – нет! Она ощущала восторг, упоительное слияние с водной стихией.

Чего же я испугалась сейчас? Эмр продемонстрировал мне еще одну частичку своих знаний об окружающем мире. Да, это неожиданно, но разве раньше он не показывал мне, какие растения опасны, а какие нет?

Мысленно приведенный довод показался разумным, успокаивающим.

И все же в ее внезапной рассудительности было что-то, не свойственное естественным человеческим реакциям на события. Так проявлялась еще особенность тысячелетнего союза людей и эмирангов. Инга знала, что в критические минуты эмр способен повлиять на нее, нивелировать всплески эмоций, погасить панику, обострить внимание, ради единственной цели: эффективности совместного выживания.

Тем временем в пространстве затопленного батт отсека назревали новые события. Видимо прикосновение к мембране запустило какой-то процесс: по всей площади туго натянутой кожистой преграды начали образовываться крохотные пузырьки воздуха, они тонкими струйками устремлялись вверх, скапливаясь под сводом помещения, за пару минут образовав небольшой воздушный карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.